

КАЗАЧИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК.

№ 14.

ФЕВРАЛЬ. 1961 г.

ПАРИЖ.

КАЗАЧЬИ ИСТОРИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ.

PUBLISHED BY THE STATE PUBLISHERS OF THE U.S.S.R.

№ 14.

ФЕВРАЛЬ 1961 г. БАРИК.

--- 2++ ---

Редакция К.И.С. поздравляет всех казахов, казачек и их детей с Новым Годом и Праздником Рождества Христова.

Нынешнее "поздравление" с Новым Годом еще имеет какой-то смысл: 1959 год дал признание за казаками их право на самостоятельное существование, наравне с другими поработченными Москвою народами.

Теперь в январе вступает в управление САСШ новый президент Кенеди и какова будет его реальная политика в этом вопросе, мы вскоре увидим, так как его ближайшие сотрудники будут новые лица и они это признание могут рассматривать под своим углом зрения, мы-же, совершенно неподготовленные, будем посылать им каждый свои "верховные" петиции, а потом про них будем писать в своих "поздравлениях".

Лучше было-бы поменьше писать поздравлений, а энергичнее и решительнее потребовать действительного объединения, и когда оно состоится, у нас будут настоящие основания к поздравлению.

--- +++ ---

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИЙАДАМ ОЛЕАРИЙ.

(Из его книги, изданной в 1665 г.)

Адам Олеарий начал свое путешествие в Москву и Персию в 1633 году. Проезжая по Волге он записал, между прочим, и все то, что он слышал о казаках.

Эти записи как-то оживляют уже далекое прошлое, немного разъясняют тот смысл "грабежей" и "разбоев", которыми питали нас великорусские историки. Особенно примечательна запись о занятии казаками важного стратегического пункта на Волге, из-за которого в бою пало с обеих сторон до 1000 человек; ведь это-же было настоящее сражение, а вовсе не "разбой".

Как известно, до покорения Москвою Астрахани никаких грабежей по Волге не было, казаки владели ею свободно. Но когда появились Астраханские воеводы и стали препятствовать казачьей рыбной ловле и даже стали требовать своего разрешения на нее, вот тут-то и пошли так называемые "грабежи" и "разбой".

-- + --

Река Уса. Говорят, что обыкновенно казаки находятся около этой реки. Они в прошлом году захватили здесь принадлежавшую богатейшему купцу в Нижнем лодку с товарами (А.Олеарий; перев. Ловягина, СИБ. 1900 г. стр. 379).

Здесь с правой стороны впадает река Омзрань. За нею мы проехали мимо нескольких небольших островов, лежащих посреди реки, и поздно вечером прибыли к Казачьей горе, у которой остановились.

Казачья гора гола, безо всякого леса и длиною в 50 верст. Назван-

ие свое она получила от Донских казаков, которые раньше жили здесь в большом количестве, нападая на мимо идущие суда и грабя их. После того, как однажды посланные из города Самары стрельцы напали на них и несколько сот из них перебили, они здесь уже больше не показывались так часто. При проезде мимо горы о них воинен был следующий сонет: "О холм, злодействами далеко прогремевший" (стр. 386, 387).

... СТОЛЫ ВСТРЕТИЛИ двух рыбаков, которые нам сказали, что 8 дней тому назад казаки отняли у них большую лодку и говорили им о приходе через несколько дней, большого иноземного судна с немцами. К вечеру мы вновь призывали на судно двух рыбаков: старого и молодого, и спросили их о казаках. Старик сначала говорил, что ничего о них не знает, когда однако, молодой оказался более разговорчивым и заявил, что напротив в лесу имеются 40 человек казаков, что и старый подтвердил это и сказал: "У них 6 лодок, которые они вытащили на берег в кусты, но обо всем этом нельзя рассказывать, так как иначе рискуем жизнью"... Мы доверяли этим рыбакам не более, чем казакам. (Рыбаки просили взять их на корабль, как пленных, а потом выпустить).

С них (со встречных судов) сообщили, что недалеко от Астрахани барнам на разных лодках повстречались 250 казаков, которые, однако, от них ничего не потребовали (стр. 384, 385).

Здесь (у Ахматовой горы) мы вновь встретили большой струг, выславший на лодке к нам несколько человек, известивших нас, что по са сторону Астрахани они встретили 70 казаков, которые, однако, ехали тихо вперед и ничего им не сказали. 4 дня перед тем, однако, всего 10 казаков напали на них и обобрали у них несколько сот рублей. Казаки, правда, не пришли к ним на судно, где они вполне были в состоянии отразить разбойников, но отняли у них вышедшие вперед лодки с якорями, без которых им нельзя было обойтись, и продержали эти лодки, пока деньги не были уплачены (стр. 386).

Когда по заходе солнца мы стали на якорь, то увидели по левую сторону у берега 10 казаков, которые спешили вверх по реке и в лодке переправились на другой берег. Посол Брэг (герман тотчас велел 8-и мушкетерам, частью из них солдат, частью из людей свиты, на лодке поспешить за ними и доставить их на судно. Казаки, однако, вытащили лодку на берег и спрятались в лесу, вследствие чего наши, ничего не добившись, темной ночью вернулись на судно (стр. 387).

Круглая гора Ураков (бугор). Эта гора, как говорят, получила свое название от татарского государя Урака, который здесь бился с казаками, остался на поле битвы и лежит погребенный здесь. Дальше с правой стороны находится гора и река Камишенка. Эта река вытекает из реки Иловли, которая в свою очередь впадает в большую реку Дон, текущую в сторону Понта и представляющую пограничную реку между Азией и Европой. По этой реке, как говорят, Донские казаки с своими мелкими лодками направляются к Волге. Поэтому это место и считается крайне опасным в отношении разбойников. Здесь мы на высоком берегу направо увидели много водруженных крестов. Много лет тому назад русский полк бился здесь с казаками, которые хотели укрепить это место и закрыть свободный проход по Волге. В этой стычке, как говорят, пало с обеих сторон 1000 человек, и русские были здесь погребены (стр. 387, 388).

Сейчас же ниже Царицына лежит, с правой стороны, остров Сарпинский, длиною в 12 в. На нем стрельцы пасут своих коров и иной скот. Незадолго до нашего прибытия казаки, заметив, что жены и дочери стрельцов ежедневно, часто без стражи, переправлялись на остров доить коров, подстерегли их, схватили, натешившись над ними, в остальном неуредимыми от-

правили их обратно к стрельцам домой.

За этим островом из реки Дона впадает в Волгу небольшая река, по которой могут ходить только челноки и самые легкие лодки; об этом рассказывал не только наш лоцман, но говорили и некоторые из наших рабочих, раньше бегавших с казаками и плывшие по этой речке. На обычных ландкартах эта речка никем не обозначена, за исключением Исаака Массы, она именуется у него Камоус.

После того, как мы протащались 10 верст, мы с правой стороны на высокой красной песчаной горе увидели виселицу; это была первая из тех, какие мы видели в этих областях. На них воеводы ближайшего города обыкновенно вешают разбойничающих казаков. Говорят, впрочем, что никто не остается висеть более 3 дней, как его уже успевают скрасть с виселицы его собратья (стр. 392).

...встретили барну... и нам объяснили, что они выехали из Астрахани, что по дороге на них напали казаки и отняли всю провизию, так что они 4 дня ничего не ели. (Им дали).

В 40 верстах за Царицыным направо тянется длинная ровная гора, а против нее расположен такой-же остров; и остров и гора имеют Насоновскими. Между горой и островом расположен узкий покривленный глубокий проход; здесь несколько лет тому назад, как говорят, казаки обманули и перебили несколько сот стрельцов, искавших и преследовавших их (стр. 393).

Караван нас вновь догнал у мяса суши вправо от нас, называющегося Поповицкою горкою на том основании, что раньше некий русский попович, бывший полковником и атаманом казачьим, в этом месте обыкновенно собирал свой отряд (стр. 394).

Черный Яр. Он лежит по правую сторону на высоком берегу, имеет 3 башень и окружен толстой бревенчатой оградой. В виду многих бродячих здесь татар и казаков город занят исключительно стрельцами... Издали постройку этого города великия убийства и грабежи, в то время, совершенные здесь казаками. Как говорят, 400 казаков хитростью напали на русский караван из 1500 человек и перебили более половины их. Воспользовались они такого рода уловкой. Когда они заметили, что лодки не все находились друг возле друга, но некоторые из них, а прежде всего их стража, ушли вперед на выстрел из ружья, то казаки, спрятавшись здесь, где река течет сильней всего, у высокого берега, пропустили передние лодки со стрельцами, затем напали на остальные и перебили бывших в них. Хотя стрельцы и оправались и поспешили обратно, но сильное течение так задержало их лодки, что большая часть убийств и грабежа уже успела произойти, казаки выбрались на сушу и ускакали на своих лошадях (стр. 395).

Путешествие Адама Олеария в Москву (в Чтениях ЮИИ).

Вообще ложные доносы и обмен между Русскими в таком ходу, что их можно опасаться не только со стороны чужих людей и соседей, но и со стороны братьев или супругов (стр. 169).

Плотским побуждениям своим и любодеянию Русские предаются до того, что некоторые из них грязнят себя отвратительным пороком, известным у нас под названием Содомского, употребляют для этого не только muliebricia patri asvetos, как говорит Курций, но даже мужчин и лошадей. (стр. 170)

"Omnes pudorem ac verecundiam exierunt" говорит неоднократно уже упомянутый Датский дворянин Якоб. Мы сами не раз видели, как мужчины и женщины выходили из общественных бань, чтобы прохладиться, совершенно голые, как сотворил их Бог, подходили на встречу к нам и бесстыдно зазывали к себе нашу молодежь ломаными Немецкими словами (стр. 179).

Порок пьянства распространен в Русском народе одинаково во всех сос-

тояниях, между духовными и светскими, высшими и низшими, сословиями, между мужчинами и женщинами, старыми и молодыми. (стр. 180).

-- + --

ТЕРКИ И ТАРКИ.

Некоторые историки и даже географы смешивают названия двух городков - Терки и Тарки, близкие по созвучию и по своему местоположению, на западном берегу Каспийского моря.

Долиль, известный французский географ, рассматривая какую-то карту Кавказа, побережья Каспийского моря, пишет: "Здесь есть только отметки двух развалин, из которых одна при городе Тюркю (Тарки, провинция Дагестана, составляющая теперь часть Гранскалказа, на берегу Каспийского моря и другая (развалина), в 43 верстах от Тарки при маленьком ручейке, называемом Вези (стр. 165).

К этой карте приложен "лист сожженных городков" с указанием числа домов в каждом городке. Дело идет без всякого сомнения о городках, сожженных Казаками в экспедиции, которую Петр Великий предпринял в 1722 г. (август - октябрь), чтобы отомстить, так называемый, грабеж Лезгинами русского каравана у Шемалха, который и сделал его (Петра Великого, господином Дагестана, Ширвана, Гиляна, Мазендорана и Астералада.

Вот лист сожженных городков (мы приводим только некоторые имена их, по созвучию напоминающие другие имена).

Тумтуркаль (Кумторкали на правом берегу р. Шура Озен), 200 домов.

Туркали (Какхумлай - Торкали, непосредственно к северу от Тарки), 80 домов.

Тарки - 1700 домов.

Большая Казаниши (Большая Казаниши, на обоих берегах р. Чарайзен (Бурганиозен), 1000 домов.

Малая Казаниши (Малая Казаниши на левом притоке Бурганиозен), 300 домов.

Капчага (Каптага, на карте Капчугай), расположенный на обоих берегах р. Шураозен на юго-запад от Кумторкали.

Город Тарки Долиль пишет по разному: Turki, Tarki, Tarqi, Tarqu.

Об этих-же городках пишет и А.Олеарий, но ясно их различая.

"Город Терки лежит в доброй полумиле от берега на небольшой очень искривленной речке Тименке, которая отведена от большой реке Быстрой... Поскольку глазу заметно кругом, местность тут ровная и не видно ни холма, что противоречит карте Пискаatora: Пискаator ставит Терки на горах, смешивая, вероятно, черкасские Терки с дагестанским Тарки (стр. 423, А.Олеариус).

"КУБАНЬ" И "ТЕРЕК".

О происхождении названий реки Танаис, он-же и Дон, в "К.И.С." № 1-й в статье И.П.Буданова "Донская Земля" сделано исчерпывающее исследование.

Но мы не имеем почти никакого понятия о происхождении названий рек "Кубань" и "Терек".

Мы здесь даем только о р. Кубани некоторые сведения.

Река Кубань имела первоначально, по Геродоту, название Гипанис, затем она стала называться Варданус, потом Веруг и, наконец, Кубань. Когда, при каких обстоятельствах и почему она меняла свои названия нам неизвестно. Насколько подробно и много говорится о Танаисе следовательно его значение в истории, тогда как о Кубани, хотя-бы под другим именем, говорится мало. Может быть в истории Рима, т.к. его войска были и на Кавказе, и есть что-нибудь, но это можно найти только попутно. Константин Вагрянородный называет, по крайней мере, устье Кубани, как Ук-

руг, может быть это испорченное название Воруг.

Во всяком случае на двух картах, предназначенных нами к изданию, Кубань носит название "Коба" или с артиклем "Лакоба", но это, кажется, есть скорее испорченное имя "Кубань"; или еще на одной карте, — славянскими буквами, обозначено "Уба степ", на Кубанской территории.

Во всяком случае, мы будем признательны всем, кто укажет какие-нибудь источники, проливающие свет на название Кубани, а особенно на название Терека, т.к. об этом мы решительно ничего не знаем и ничего не встречали.

И. Вуданов.

К ИЗДАНИЮ СТАРИННЫХ КАРТ.

С перечисленных ниже карт снят микрофильм и затем с него сделаны уже фотокопии такого-же размера, как и сама карта; размер карт указан в сантиметрах, длина и ширина, а так-же, где это возможно, указан и год их издания.

Издать их типографским способом нет никакой возможности; так напр., клише только двух карт, правда, самых больших размеров, стоит 2,000 ф., а остальные по 10-11 тысяч; к этому надо прибавить еще расходы по печатанию, а это тоже представляет кругленькую сумму, поэтому мы решили издать их фотографическим способом.

Мы должны предупредить, что на многих картах, особенно в 1500-х годах, Казаки не обозначены; на их территории стоит название "Тартария" или "Раздолии Донски", но на некоторых картах станции перечислены (Тото).

Что касается специально карты Дона (о Кубани мы не говорим, т.к. она, правда — маленькая, составлена инж. Кисилем и издана В.Г. Кауменко, но инж. Кисиль обещался сделать уже большую и сам ее напечатает), то по моему ее (Донскую) надо сделать большую, этак 75 x 100 с.м., где были бы обозначены все изменения границ Донского Войска, а они много претерпели; затем поставить на ней и названия всех существовавших городков, напр., Стрельной, Пристанская отца и Беляева; эти две последние станции находились около Урупина; Петровская это или Беляевская или Пристанская; но все это возможно сделать, имея карты Дона всех времен.

Но эта большая и ответственная работа становится нам уже не под силу.

Некоторые лица распространяют и внушают Казакам ту мысль, что зачем, дескать, Казакам нужны карты? Поэтому не стоит и поддерживать их издание.

Конечно, Казаку, мало интересующемуся своим прошлым, карты неинтересны, но Казак патриот и националист, а особенно если он знанием прошлого своего народа и территории интересуется, карты эти сочтет нужными, а для каждого казачьего историка они абсолютно необходимы.

Возьмем, например, карту Птолемея, жившего во II в. нашей эры и составившего карту, где помещен около Переволоки или Большого Перевоза при Татарах, город Экзополис; название этого города удобнее всего перевести словом "Дальний" (от Греции), этот-же город обозначен и на карте Меркатора (род. 1512, ум. 1594 г.), этот-же город обозначен и кап. Смит, когда он в 1603 г. из татарского плена попал к Казакам в этот-же город, который он называет Экзополис, следовательно название этого города держалось на Дону 1400 лет; на этой-же карте на Дону обозначен римский город Наварис, а также нечто вроде жертвенников или алтарей Юлию Цезарю и Александру Македонскому.

Кроме того, случай такого собрания карт следовало-бы использовать и закрепить, иначе коллекция современем погибнет бесследно, а ждать кого-то другого, который собрал-бы эту коллекцию, неблагоприятно.

Карта Птолемея, жившем во II в. н. э.	28 x 48	ТУ в.н.э.
Часть морской карты Фредуче д'Анкон	33 x 28	1514 (1496)
Moscovia Si ismendi liberi	37 x 25	1549
Russiae, Moscoviae et Tartariae	33,5 x 20	1562
Карта на итальянском языке	38 x 28	1562
Russiae vulgo Moscovia	30 x 20	1610
Table Russie	30 x 27,5	1614
Часть Дона и Волги (Ад. Олеария)	20 x 20	1633 (из 1666 г.)
" Кавказа (его-же)	18 x 20	тоже
Tartarie Europeenne	35 x 28	1665
Russiae magnaе	28 x 33	-
Estats du Czar ou Grand Duc de la Russie		
Blanche ou Moscovite	34 x 28	До П. I.
Tavrica Chersonesus et Cazara dicitur, ital	35 x 26	
Tavrica Chersonesus et... (latin)	36 x 26	
Ukrania	32 x 27	
Nova Mappa geographica Maris Assoviensis		
vel de Zabachez	33 x 28	
Carte de la Petite Tartarie	32 x 28	Вероятно 1730/40
Неопределенная	38 x 25	после 1714 г.
Карта со славянскими надписями	27 x 32	Посвящ. П. I.
Карта воен. дей. между рус. и тур. (англ.)	31,5 x 26	
Krim Tartary... and Kuban (angl.)	37 x 26	
Carte curieuse de nouvelle limites	32 x 28	1775
Карта владений Войска Донского	40 x 45	Ригельмана
Карта без названия, на итальянском языке.	36 x 25	1566

Предполагается добавить еще четыре карты: Меркатора, Пискатора (1500-х годов), затем карту Донского Войска после восстания К.А. Булави-на и еще одну карту 900-х годов, правда, неимеющую прямого отношения к Донской Земле, но указывающую на положение Узлов или Гузов, турецкое по-колоние, кровь которых течет и в нашем казачьем теле.

Цена этого сборника карт будет около 9,000 ст.фр. или 90 НФ; она с первого раза кажется очень высокой, но если принять во внимание, что Сборник карт будет состоять приблизительно из 30 карт (29 - 31), то це-на каждой карты будет 3 НФ., что представляется совсем недорогой ценой; при этом надо иметь в виду, что в этом издании автор не имеет для себя ни единой копейки, кроме бесконечных трудов и хлопот, и если ему нужны деньги, то исключительно для составления и издания большой исторической карты Дона с объяснениями к ней.

Сборник этих карт будет первоначально выпущен только в 5-6 экземпля-рах, т.к. оплатить его в полном объеме оказалось очень мало лиц. Во вся-ком случае, ввиду позднего выхода № 14 "К.И.С." подписка продолжена до 15 апреля, после чего будет приступлено к изготовлению фотографий карт, главным образом в фотографическом отделении Французской Национальной Би-блиотеки

Лиц, желающих помочь этому делу, просят прислать их лепту по адре-су: (см. об. № 14) только что получили ответ на наш запрос в Библиотеку Кемб-риджского Университета в Англии о микрофильмах карт Меркатора, Пискато-ра и еще двух карт, что просьба наша принята во внимание.

----- + + + -----

СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ ИСТОРИК О КАЗАКАХ.

Как известно, между русскими историками неказаками и историками каз-аками с давних пор имеют место крупные расхождения во взглядах по цело-му ряду координальных вопросов истории казачества, и в частности по воп-росу о происхождении казачества и предках этого своеобразного и единст-

венного в своем роде славянского народа.

Некоторые русские историки не казаки вообще отрицают за казаками право на предков. Они утверждают, что казаки образовались из бывших крестьян и холопов, а поэтому не имеют основания и не могут претендовать на построение своей казачьей истории, которая уходила бы далеко в глубь прошлых веков христианской эры.

Казачьи историки в корне отрицают такой и подобные ему взгляды на истоки казачьей истории и не без успеха подтверждают свое такое отрицание обоснованными историческими данными.

В свете такой борьбы взглядов на основы (истоки) казачьей истории, интересна каждая "новинка" (как в кавычках, так и без таковых), которая появляется в историко-научном мире по этому вопросу.

Мне недавно пришлось ознакомиться с печатным трудом советского доктора исторических наук, профессора А.Ф.Чернова - "Вооруженные силы русского государства в 15-17 веках" - изданным военным издательством Министерства Обороны СССР. Москва 1954 г. В этом труде (книга в 222 стр.) значительное место уделено не только участию казачества в составе вооруженных сил русского государства того времени (Московской Руси), но и некоторым вопросам имеющим прямое отношение к историческому прошлому казачества, как народа.

Я полагаю, что читателям "Казачьего Исторического Сборника" небезинтересно ознакомиться со взглядами советского ученого историка на эти вопросы, и я ниже привожу все те места из вышеуказанной книги профессора А.В.Чернова, где он касается истории казачества, его взаимоотношений с русским государством и участия казаков в русских вооруженных силах. Касаясь этих вопросов, профессор А.В.Чернов пишет:

"Когда княжества угрожала опасность (речь идет о конце 12-го и начала 13-го столетия. Н.Д.) со стороны соседей, в войско привлекались народные массы - "вои" (народное ополчение). Народное ополчение было организовано в полки. Полковая военная организация на Руси существовала еще в период зарождения Киевского государства. Возникла она, повидимому, в эпоху разложения родового строя и образования военной демократии. Об этом свидетельствует и само слово "полк", которое (как и слово "войско") у славянских племен означало народ." (стр. 9.)

"В середине 15-го века в составе русского войска появились казаки. Казаками вообще называли вольных людей; русские беглые крестьяне и холопы, поселившиеся на окраинах государства, так же стали называть себя казаками. Предшественниками казаков можно считать "бродников" Приазовья иногда принимавших участие в русских походах на кочевников.

Монголо-татарское иго усилило приток вольницы в южные степи. Именно в это время появляются украинские (днепровские) казаки.

Позднее, примерно в начале 16-го века, на историческую арену выступают донские казаки. Прилив русского населения на Дон особенно возрос в конце 16-го века в связи с усилением крепостнического гнета в центральных областях Русского государства. Казаки чувствовали себя на Дону в безопасности от гнета помещиков и царских воевод. Они вели непрерывную борьбу со степными кочевниками, обороняя границы Русского государства.

Правительство решило использовать казаков в своих интересах и стало привлекать их к государственной пограничной службе. Как пограничная стража служилые казаки появились раньше всего там, где государству угрожала постоянная опасность вражеского нападения, т.е. на южной границе. На этой границе они положили начало сторожевой станичной службе.

До середины 16-го века служилые казаки не занимали заметного места в составе русского войска." (стр 29 - 30).

"Из всех служилых людей по "прибору" во второй половине 16-го века

наиболее сложную по составу и организации группу составляли казаки.

После присоединения Казанского и Астраханского ханств ряды служилого казачества пополнились татарской, чувашской и мордовской конницей. В русском войске нерусские казаки сохраняли свою национальную (десятичную) систему деления и подчинялись мурзам и князьям. Они не входили в русские полки, а присоединялись отдельными отрядами к полкам, преимущественно к передовому, где конница была больше всего нужна.

С середины 16-го века в составе русского войска находились "вольные" казаки (яицкие, волжские, донские, а затем украинские).

Постоянные сношения правительства с донскими казаками начались в 70-х годах 16-го века. Этому способствовало в значительной мере то обстоятельство, что по реке Дону, а затем по Азовскому и Черному морям шли все дипломатические и торговые сношения Русского государства с Крымом и Турцией. Правительство обрещалось к казакам за содействием в охране посольств и торговых караванов, обещая за эту службу жалованье, главным образом селитрой и свинцом, в которых казаки очень нуждались.

В конце 16-го века правительство пыталось взять донских казаков под свой постоянный надзор, но потерпело неудачу. В одной из своих грамот царь Михаил Федорович напоминал казакам о тех притеснениях и репрессиях, которым они подвергались при прежних царях и особенно при Борисе Годунове. Из этой грамоты узнаем, что казакам запрещалось приезжать в Москву и приходить в пограничные города даже к своим родственникам; им было запрещено покупать и продавать что-либо; казаков ловили по городам, сажали в тюрьмы, вешали. Правительство боялось казаков как крупной антифеодальной силы.

В начале 17-го века донские казаки приняли активное участие в крестьянской войне. Были казаки в войсках самозванца.

Другим центром местопребывания вольного казачества являлась Волга, куда донские казаки перебрасывались отрядами с Дона и в поисках добычи спускались на своих судах в Каспийское море. В покорении Казани и Астрахани волжские казаки принимали активное участие. Однако в дальнейшем их набеги стали мешать правительству в освоении волжского водного пути и установлении торговых связей с юго-востоком. Тогда правительство начало преследовать волжских казаков, посылая против них свои отряды.

Разогнанные с Волги казаки, частью осели на Дону и смешались с местным населением, частью двинулись за Волгу. В 80-х годах отряд казаков во главе с атаманом Нечаем напал на ногайцев, разорил их столицу Сарайчик и поселился на реке Яик (Урал), положив начало яицкому (уральскому) войску. Другой отряд волжских казаков, продвигаясь по западному берегу Каспийского моря, поселился на Тереке (гребенские казаки); эти казаки положили начало терскому казачьему войску. Отряд волжских казаков в количестве 600 человек, во главе с Ермаком, положили начало сибирским казакам.

Привлечение вольных казаков на государственную службу началось, по-видимому, при Иване Грозном, с середины 16-го века. Так, уже в 1550 г. нападение ногайцев отразили "вольные казаки великого князя". Активное участие приняли казаки в боевых действиях по завоеванию Казани. Вольных казаков правительство использовало и в борьбе с крымскими татарами, привлекая их к постоянной береговой службе на юге. По разрядной росписи 1575 г. в большом и передовом полках служили с головами донские и черкасские (украинские) атаманы и казаки. Казаки принимали активное участие в Ливонской войне. В составе русского войска, вступившего в Полоцк в 1563 г., из общего состава войска примерно в 43 тыс. человек вольных казаков с атаманами было около 5550, или почти 13%. Участвовали казаки и в других походах.

За службу правительство расплачивалось с казаками денежным жалованием и земельными наделами, поселяя их преимущественно в пограничных городах. Размещенные по городам казаки получали название того города, где были поселены.

Внутреннее устройство городских казаков было таким же как у городских стрельцов. Казаки находились "приборе" у своего головы, который и набирал их на службу.

Казацкий голова непосредственно подчинялся городскому голове или осадному голове. Формальный состав прибора исчислялся в 500 человек. Приборы делились на сотни, которые находились "приказе" у сотников. Сотни в свою очередь подразделялись на полусотни (во главе с пятидесятниками) и десятки (во главе с десятниками). Права и обязанности должностных лиц соответствовали функциям таких же должностных лиц у стрельцов.

Общее число городских казаков историки определяют в 5 - 6 тысяч человек.

В конце 16-го века правительство начало применять при увеличении состава городских казаков те же способы комплектования, какие практиковались в отношении других служилых людей "по прибору", в частности стрельцов. Казаки, как и стрельцы, набирались из "вольных охочих людей", и требования к тем и к другим предъявлялись одинаковые. При поселении казаки получали от правительства одинаковую со стрельцами помощь на постройку дворов.

Ряды городских казаков пополнялись и путем набора из тяглого населения. В 1590 году с деревень Спасо-Прилуцкого монастыря было взято в "ратные казаки" 400 человек. Все эти способы комплектования постепенно оттесняли городских казаков от вольных и сближали городских казаков с другими служилыми людьми по "прибору". Управление всеми городскими казаками на территории государства в 16 веке находилось в ведении Стрелецкого приказа. В южных городах управление казаками Стрелецкий приказ разделял с Разрядом, ведавшим пограничной охраной. Стрелецкий приказ набирал казаков на службу и отстранял от нее, выплачивал денежное жалование, перемещал по службе из одного города в другой, назначал в походы и являлся для казаков высшей судебной инстанцией. Через приказ проходило назначение начальствующих лиц над казаками (голов, сотников), которые во время службы у казаков так же подчинялись приказу.

Все сказанное относится исключительно к служилым казакам, размещенным по городам. Отношения с донскими и другими вольными казаками, официально не состоявшими на государственной службе, ведал Посольский приказ." (стр. 86 - 89).

Опубликование в советской печати таких данных из истории казачества, пожалуй, можно назвать сенсацией, так как они являются не только для советской исторической литературы, но и для российской исторической литературы вообще своего рода редкостью. Обычно великорусские историки, касаясь вопроса о казаках, всех их (которым когда-либо и кем-либо было присвоено казачье звание, или тех, кто носил это имя по принадлежности), сваливают в одну кучу и под всех их подводят одну "теорию" бегло-холопского происхождения. А.В.Чернов нарушил этот принцип и, говоря о казаках, разгруппировал их по их фактическому положению и довольно определенно указал на историю происхождения каждой из них. Правда, он полностью не отрекся от бегло-холопской теории в истории казачества, но все же признал, что этот бегло-холопский элемент имеет причастность к казачеству лишь в той мере, что он "так же стал называть себя казаками", и

что кроме этих бегло-холопских "казаков" были еще и другие, которые имели своих определенно казачьих предков. Правда, А. В. Черно. почему то употребил обычно не употребляемый в исторической литературе термин - предшественники, вместо общепринятого термина - предки, но это скорее форма, чем существо.

Признавая славянское племя Бродники предками донских казаков, А. В. Черно. уже этим одним признал, что казаки, как народ, не бегло-холопского происхождения, а имеют свою, более глубокую и более осмысленную историю. "Казаки", которых проф. А. В. Черно. называет в своей книге "служилыми казаками", "городовыми казаками", "ратными казаками" формировались из весьма разнородного людского материала: начиная от "вольных казаков" и до морды, черемис и монастырских холопов включительно. Конечно, эти "казаки" в значительном проценте были происхождения из разного рода беглых и к ним бегло-холопская теория может иметь прямое отношение по справедливости.

Донское же вольное казачество, как отдельный по психологии и духу свободолюбивый народ, росло и крепло за счет притока в него сильных духом людей, выходцев из всех соседних народов.

Этнотермический принцип формирования и развития казачьего народа и государства на реке Дон нашло свое прямое отражение в первую очередь в его древнем наименовании - Койско Донское, что в переводе с древнеславянского на современный русский язык означает - Народ Донской.

Н. Долгой.

=== +++ +++++ ===

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ОДНИМ ВЕЧЕРОМ.

(Отрывки из Записки о былом "Казаки Ермаковы".)

Осенью Алексей Ермаков вступил в исполнение своих учительских обязанностей, снова заняв числившееся за ним все то же место в училище. Еще больше облысевший Владимир Иванович Усачев и почти совсем побелевший Филипп Акимович Семенченков, начавшие издавать в станице маленькую газетку, привлекли и его к этой деятельности. Как в былое время на воскресных чтениях, в кооперации, крепко спаянная группа кипуче работала, отдавая свой досуг в пользу, по их выражению, "казачьего дела". С энтузиазмом принимала участие и "перевалившая за тридцать" учительница Татьяна Кондратьевна, сотрудничая не меньше мужчин, подогретая трогательной идиллией со сватавшим её долголетним вдовцом Владимиром Ивановичем. Кой-какая мелкая "работенка" перепала даже и на долю Лиды, считавшей себя "пятой спицей в колоснице".

Одним вечером перед сумерками сидевшая у Ермаковых Татьяна Кондратьевна, докидавшая обещающего за ней зайти Усачева, переговорив на все волнующие темы тех дней, спросила Алексея Андреевича об учившемся у него её десятилетнем племяннике.

- "Этого довольно смыслённый, хотя и со средними успехами мальчишка, - ответил Ермаков, - сегодня удивил меня окаменелым выражением лица и монотонно-вяло каким-то выдаленным басом, еле слышно читал, почти не шевеля губами." -

- "Что такое приключилось с моим шустрим Мишкой? Уж не собирается-ли захворать?" - Забеспокоилась тётка мальчишки.

- "Совсем не то. - Усмехнулся Ермаков. - Когда я приказал ему

читать громче, знаете, что от чего услышал в ответ?" -

Татьяна Кондратьевна насторожилась, коротким - "Ну?" - связала учителя на подробности.

- "Ваш Мишка медлительно, с явными муками, полуоткрытым ртом кри-
пло мне процедил: - "Ды я-бы прочитал решши, ды даже заеды болять". -

Все расхохотались. Испытывая в свое время все детские неурядицы
Татьяна Кондратьевна сочувствовала племяннику: - "Дело житейское. И
смех и грех. Кто из детей простонародья не знает этих мучений!" - И,
развеселившись, сообщила: - "У меня в классе тоже было нечто инте-
ресное." -

- "Расскажите. - Попросила жена Алексея. - Обожаю курьезные слу-
чай из детской жизни." -

- "Занятый сегодня отец Андрей отсутствовал и мне пришлось его
заменить на уроке Закона Божия. Одна девочка рассказывала о грехопа-
дении. - И учительница принялась передавать повествование ученицы,
мастерски подражая ей во всех деталях произношения, хорошо имитируя
детскую интонацию: - "Ева говорить: На, Адам, съешь яблочко. Адам
съел. А в это время, гляды откуда ни возьмись, Бог идёт. Они ис-
пужались: чего делать?.. Он-же не долел им исть эти яблоки. И ско-
рей схоронилися. А Господь всё знать и шумить: Адам, ты иде? Быдазы!
Адам из кустов говорить: Ды я гилишом..." -

Молодая Ермакова заразительно хохотала, представляя себе ясно на-
ивную дочушку, с серьезным видом хуторным языком отечающую прилежно
выученный урок.

- "А моё вопрос, - продолжала рассказчица, - почему перемы люди
до грехопадения не знали стыда и ходили нагими, неохватившая сути биб-
лейского факта малышка рассудительно ответила: - Ды Ева ишо шить не
умола." -

- "Ха-ха-ха! Какая прелесть! - Воскликнула Лидия Андреевна. - Ско-
лько очаровательных эпизодов бывает в школах!" -

.....
...Нахохотавшись вдоволь, молодая хозяйка экономившая освещение,
рассеивая спускившуюся темноту, принялась, ради госты, зажигать
свеч.

- "Да вы еще по буржуэски с лампой, оказывается, живёте. Какая
роскошь! - Удивилась Татьяна Кондратьевна. - Все давно сидят с лам-
падкой или с сальником. А у вас ... ке-ра-син!.. Где достали?" -

- "Остатки маминого запаса. Тоже на исходе. Через какую неделю
и мы будем в потёмках. Экономим до предела. Ну и времена!.." - Со
скорбью ответила Лида.

- "А с чаем как?" -

- "Как и у всех: неразрешимая проблема. С каждым днем всё труд-
нее. Некоторое, вместо чая, перешли на простой кипяток, для иллюзии
подкрашенный морковкой." -

- "Что делать ... приходится приспособляться. - Со стойкой по-
корностью судьбе заявила всегда бодрая Татьяна Кондратьевна и, вдруг,
заговорила о другом: - Кстати, что-ж молчите, не скажете, как нахо-
дите мое новое, перешитое из старой шинели пальто?" - Не без удоволь-
ствия похваливаясь перед хозяйкой, будто показывая какую замечатель-
ную парижскую модель, спросила гостыя.

- "Что можно сказать?.. Неплохо ... - Со вздохом оценила Лидия
Андреевна художественное произведение. - Молодецкая вы женщина, Та-
тьяна Кондратьевна. Остроумно придумали, чем прикрыть грешное тело.
Одобрю вашу находчивость." -

- "Но каких забот и трудов мне стоило раздобыть эту горемичную шинель, перекупив её из третьих рук от какого-то прохожего лояки. Признаться, я зарилась на вашу портьеру, да жалко мне стало разорять уютное гнездо молодоженов. Хотя воротник жестоко царапает шею, но, слава Богу, кое-как оделась. Не мёрзну хоть. Тж не до шика..." -

После продолжительной тяжелой паузы, Лида с тревогой произнесла:

- "С фронта-то бегут ... " -

- "Драпают пачками ... " -

- "На днях к нам зашли двое таких. - Начала рассказывать Лидия Андреевна. - Шапки набекрень, с цыгарками, вид наглый, прощальные. Попросили есгь. Мама их не кормила, но не удержалась, упрекнула: - "Его-же это вы, ребята ... фронт-то бросили ... не стыдно?" -

- "Ужаснулась смелости пожилой бесстрашной казачки, увидя засверкавшие ненавистью глаза дезертиров. - "Помалкивай, бабка. Не то видишь?" - Пригрозил один из них, многозначительно потряхивая висевшим на нём оружием." -

- "Опасно с ними вступать в перобранку. Бедосья Васильевна, действительно, храбрец." - Покачала головой Татьяна Кондратьевна.

- "Тем более, что мы с ней были дома одни, без мужчин." -

- "А где-же известный домосед Андрей Еколлежич?" -

- "Мобилизован-же. Дошла очередь и до стариков ... Отбывает повинность с обывательскими подводами. Его гоняют сопровождать их то на Токин, то на Граче"ь или в Каргинскую и он часто теперь не ночует дома." -

- "Да, всем нынче достаётся; события за киршу берут и убеждённых сединой. Воображаю, как в пути по дождю и бездорожью он устает, бессонными ночами особенно." -

- "Представьте себе, не жалуется; мужественно переносит выпавший на стариковские плечи тяжёлый удел, навязанный гражданской войной." -

- "Знаю, знаю его. Казак безупречный." - С нескрываемым восхищением одобрила самоотверженную выносливость почтенного станичника пылкая казачка Татьяна Кондратьевна.

Во время беседы женщин, Ермаков в другой комнате выслушивал Усачева, рассказывавшего: - "Наступили сильные холода, в охреняющих наши границы переутомившихся, истекающих кровью казаков, вопреки обещаниям, так на фронте никто и не сменил. Известно, что большевики мушкет станичников: "Почему вы ждете в Воронежской губернии? Уходите домой, мы вас не тронем!" - А много-ли нужно измученным и промёрзшим людям ... - Тяжко вздохнул учивовавший слабость человеческих душ Владимир Иванович. - И вот результат: получены сведения об уходе полков с фронта. Иные разбегаются по домам в одиночку, другие группами, а кто из дальних станиц, те избрали своим командиром Фомина и в составе 100-150 человек направляются сейчас в нашу станицу. Уведомленным разведкой Округной Атаман распорядился разослать по всем станицам Округа предписание о немедленном экстренном созыве станичных сборов, приказав старикам "с вилами и косами выйти навстречу движущимся сюда с фронта изменникам и предателям и послать их обратно на фронт." Воже мой! Будто это так просто. - Волновался Усачев. - Ведь этот приказ старикам-казакам "встретить с вилами и косами" не кого-то иного, а их-же собственных кровных детей!" -

- "Уф-ф!..." - Бирдалось у Ермакова.

- "А вот то-то и оно... - Беспомощно развел руками Владимир Иванович. - Тем не менее, в Мигуленской сбор прошел, будто-бы, довольно спокойно. А в Казанской Округной Атамана, похоже, грозили убить."

К нам-же теперь вот-вот, не иначе-завтра займется Фомин. Такие-то дела ...» - Червно вертя в руках чомлодишув у него неприкрытую "самокрутку" из газетной бумаги и раздражённый горло махорки, закончил "обзор событий" Усачев.

Из частного письма.

Действительно, не успели станичники и глазом моргнуть, как Фомин вошел в станицу. Окружной Атаман о его прибытии узнал в пути, возвращаясь из Казанской с бурного там сбора, в станицу не показавшись, а остановился в Кургинской и, по слухам, оттуда уехал в Новочеркасск.

Ворнувшийся в станицу с Мигуленского сбора его помощник, полковник В.Н. Дронов пошел Окружное Управление, таким образом, без главы, но штаб на месте и Фомин в то-же время в станице-же.

Вот как Василий Никитич Дронов в одном частном письме описал картину происходившего тогда в станице:

"Положение совершенно абсурдное: в станице Штаб Армии с гарнизон сотней и Фомин со своими "молодцами"... Иду в Штаб и спрашиваю, какие меры принимаются Штабом и какие планы на ближайшее будущее.

- "Вы Окружной Атаман и должны принять меры против этой банды." -

Я заявляю: - "Во-первых, я не Окружной Атаман, а только его помощник ... А во-вторых, мне казалось, что это дело скорей военных властей, а не гражданских. Но, если вы находите, что это дело Округа, то я сегодня-же вызову Фомина и спрошу о его намерениях, а на завтра созову экстренный станичный сбор с представителями соседней ст. Еланской!" -

На мой вызов немедленно является в Окр. Упр. Фомин в полном вооружении и в сопровождении двух до зубов вооруженных казаков. При мне шапка, с которой я всегда ходил в Окр. Упр., и в ящике стола Чаган. В соседней комнате адъютант. Обращаясь к Фомину и спрашиваю: - "Можете ли вы сказать мне, кто вас назначил командиром 4-го полка и зачем вы пришли в станицу?" -

- "Командиром меня выбрал полк, а пришли мы проверить интенданство армии. Мы там мерзнем, голодаем, а тут в Штабе склады полны полушубков и провьянту. Вот мы и желаем посмотреть." -

Я подошел к большой карте, где флажками была обозначена линия фронта, и указал, что, если часть уходит с фронта, то она не только нарушает присягу Дону, но и является предателем своих боевых товарищей-казаков, стоящих на фронте правей и левей. Я предложил им обдуматься и возвратиться на фронт; иначе казаки им этого не простят. Объявил, что на завтра созван экстренный сбор и чтобы полк тоже прибыл в полном составе.

Должен сообщить, что Фомин, несмотря на кажущуюся растерянность, всё-же выставил вооруженные посты на мост через Дон, к интендантским складам, Окружному Управлению и к моей квартире. У Штаба Армии пост от гарниз. сотни. В распоряжении начальника милиции Округа 2 полицейских. Офицеры и все чины Окружн. Упр. были еще накануне ознакомлены с положением в станице и им был предложен выбор оставаться в станице и ждать, чем кончится всё это или искать свой личный выход из положения. Осталось нас трое. Разведчики доносят, что в лагере Фомина бесконечное пьянство. Надежда на гарнизонную сотню слабая ... Настроение тревожное...

К вечеру узнаю, что в Кургинскую станицу приехал Атаман М.Н. Краснов. Мы воспрынули духом. Связываемся полевым телефоном с квартирой станичного атамана и просим к телефону Дон. Атамана или Н-ка Штаба. Ответ: "Они заняты и к телефону придти не могут." - Второй вызов с просьбой передать приглашение Дон. Атаману присутствовать на завтра-

шнем сборе в станице. Ответ: "Заняты; на сбор не придут." В 12 часов ночи разведка доносит: "Генерал Иванов и его нач. штаба ночью порешли ниже моста замерзший Дон и сейчас уже в Кургинской станице вместе с Дон. Атаманом."

Ночь прошла "спокойно". В 9 часов утра сбор. Захожу в Оружн. Управл. ... Вход и выход охраняют два "фоминца". Проведение не могло вместить всех делегатов и "полк" Фомина. Все собрались на площади. Подхожу, здороваюсь со стариками. Дружным веселым гомоном отзывают: "Здравия желаем, ваше высокоблагородие." - Оборачиваюсь к фронтовикам: ... изогнутые, неровные две шеренги (примерно 100 человек). Спрашиваю: - "А это что за казаки?" - Отвечает кто-то: - "4-ий полк." - "Полк?! ... А кто командир полка?" - "Я." - Выступая вперед, заявляет Фомин. - "А вы не знаете, как нужно встречать Окружного Атамана? Выравнийте полк и командуйте: смирно." -

Все казаки загудели: - "Ишь, мерзавцы, распустились." -

Фомин кричит и командует: "Смирно!" -

- "Здравствуйте, фронтовики." -

- "Здравия желаем." - Нестроенно отзывают одни, а другие к этому прибавляют "господин полковник". -

Проносится в мыслях: - "Что-бы сделал и со сбором и с этой кучкой "полка" П.Ч.Краснов с его даром красноречия, апломбом и орлом Дон. Атамана? ... Ведь этот "полк" сложил-бы все винтовки и на коленах просил-бы прощенья ... " -

Разведка доносит: "В квартире станичного атамана, сотника Лиховидова, всю ночь было слышно рекой и Дон. Атаманом был подписан приказ по Войску о назначении Окружным Атаманом Верхн. Дон. Окр. ... сотника Лиховидова." и это при наличии в Округе двух полковников, - меня и И.Д.Бондарева...

Сбор прошел без большого одушевления. Вынесено постановление особой комиссии осмотреть склады и выдать казакам теплое обмундирование. Казаки-же, отдохнувшие 3 дня, восстановят фронт.

Старики разъезжаются, станица пустеет, большевики убеждают Фомина арестовать "ахвиреров". План мой: иду в купцу Хренникову и спрашиваю: - "Дом сани и лошади?" - "Дом сани." - "А шубу с большим горюшком и теплую шапку тоже имеете?" - "Имею." - "Пожалуйста запрягите; я уезжаю." - Проезжаю мимо вооруженного поста на мосту и, через два часа, в Кургинской станице.

Станичный атаман в Кургинской, сотник Лиховидов, показал мне приказ по Войску о назначении его Окружным Атаманом, и я продолжил путь в Чошчеркасс, где и находился до избрания А.П.Вогасевского Дон. Атаманом, а вскоре затем и избрания меня (Д.В.К. (?), Окружным Атаманом. (Первый выборный и последний Окружной Атаман)."

Такое содержание (написанного частному лицу), письма полковника Василия Никитича Дронова, "первого выборного и последнего Окружного Атамана" Верхне-Донского Округа. Автор записи о прошлом, ничего не изменяя, приводит, как цитату, содержание письма, написанного собственноручно полковником Дроновым, - действительно, реально и сейчас здравствующего еще и живущего в Селерной Америке Окружного Атамана. Автор "Ермаковых" не сам описывает эти незабываемые дни, пережитые станицей, считая, что подлинные слова Окружного Атамана имеют ценность документа и потому точнее рассказывают о том, как было.

П.А.Соколова.

Аргентина. 30 августа 1960.

ЭТО БЫЛО ДАВНО.

Красные пятна на белом снегу,
 "Свою жизнь я забыть не могу;
 Пятна от крови у самых ворот,
 Слышал я ночью стучал пулемет.
 Слышал я пули свистящий полет.
 Утром вся крость превратилась в лед;
 Ранен, убит ли? Не все ли равно?..
 Все это было когда то давно.
 Вечером был здесь казачий отряд,
 Утром гячулия толпы солдат;
 Сколько их было, куда они шли,
 Что на штыках за собою несли?
 Слышал я ругань и в Бога и мать,
 Что их в станице не выжили встречать,
 Будто людей не осталось в живых,
 Кто-где мальчаты глядели на них.

Сел с дороги махорочник дым,
 Что то чужое пришло вместе с ним;
 Кто ж был убитый? Не все ли равно?
 Все это было когда то давно.
 Слышалась ругань, иль сорой толпой
 О селера Русь в край свободный
 степной,
 Что их влекло и кто с толку их
 сбил,
 Будто этапом их гнали - Сибирь?
 Трудно им было свободу понять,
 Или шли у других отнимать;
 Все, как и было давно не Руси,
 Работно с собою солдаты несли,
 Или словно волны, куда то вперед,
 Крость появлялась в снегу у ворот;
 Чья была крость? Да не все ли
 равно?

Все это было когда то давно...

Все это было и все это есть,
 смерть бесконечных неслез перочесть,..
 Только тогда, когда путь свой найдет,
 Станет свободным казачий народ.

Труба.

М. Гаврилов.

ДОЧЕРИ НА ПОСЛЕ ГОД.

Все ты будешь поминать, Наташа,
 Мелочи, был мост - орудю...
 В дни, когда в хатвику эту нашу,
 Наш курень, я больше не войду.
 Помнишь ты, как часто, отобедав,
 Говорили тихо мы вдвоем,
 Вспоминали старенького деду,
 Остывая долго за столом.

Но забудь ты никогда, Наташа,
 Про казачьи горе и беду...
 Вспоминей про эту славу нашу
 И тогда, когда я - не приду.

И. И. 61.

П. Поляков.

ХОРУЖИИ МАШКИН.

(Из романа "За Край Годной".)

Сергею Ивановичу Машкину было тридцать шесть лет. Это был типичный старослуживый казак, прошедший на службе в полку все свои молодые годы. По окончании дослужительной ему, как окончившему учебную команду

и взводному уряднику, начальство предложило остаться на сверхсрочную. Предложение пришлось Машкину по душе. Он написал старику отцу, одиноко жившему на хуторке близ станицы, получил от него благословение и остался служить. Скоро он стал тахмистром сотни, в которой пробыл с самого начала и которая сплошь состояла из его станичников. Сотенное хозяйство он вел отлично, лошади у него были в прекрасном виде, начальство к нему благоволило, но казаки его ненавидели. И было за что. Тахмистр Машкин принял за правило, что если казака не бить, из него никакого толку не выйдет... Это правило он старательно и проводил жизнь. Малейшее упущение по службе, допускаемое казаками его сотни, сопровождалось зуботычиной, боевыми и многочисленными анаочередными на-рядами. Командир сотни смотрел сквозь пальцы на распри тах-мистра с казаками и требовал одного, чтобы был порядок. С этой сторо-ны он мог быть спокойным — порядок в сотне был отменным... Дело свое тахмистр знал до тонкостей, любил его и, обладая большим опытом, лег-ко добился того, что сотня в строевом и хозяйственном отношении всег-да была на высоте. Казаки пытались жаловаться на него на инспектор-ских смотрах, но из этих жалоб ничего не получалось. Машкина, как сто-рогого и дельного тахмистра, знал сам полковник — командир полка и благодаря этому Машкин всегда выходил сухим из воды. Казаки скрипели зубами, грозились расправиться с "проклятым мослом", но Машкин, отлич-но зная про угрозу, как ни в чем не бывало, продолжал вести себя по-прежнему. Уходя со службы, казаки уносили с собой в станицу бессиль-ную против него злобу, не будучи в состоянии отомстить ему, как им хо-телось бы... С момента объявления германской войны, тахмистр Машкин как будто остепенился, немного пришел в себя. Он в корне изменил свое отношение к казакам, стал не в меру добр и снисходителен. Казаки пони-мающе переглядывались, нехорошо усмехались и в презрительно смеющихся взглядах их читалась мысль: "Перелякался, собака... ободри тропки, на-ведем тебе рошку"... Так, очевидно, думал и сам Машкин. Как человек неслепой, он решил идти напрямки. Перед самой границей, когда от пол-ка пошли уже разъезды и полк готовился к бою, он собрал сотню в това-рищески кружок и спокойно покачался казакам в своей жестокости.

- Я говорю вам прямо, ребята, - заявил он под конец, - не человек я был, а зверь... Но что было, то прошло. Я думал тогда, что поступал по присяге, порядок в сотне блюл... Если можете простить — простите. Если нет — дозвольте мне с вами в бою жизнь кончить. Об одном прошу — не убивайте меня. Если имеется у вас злоба на меня — скажите: я буду сам искать смерти в бою. Тяжело, братцы, пропасть от казачьей пули! -

Все же могли ожидать казаки от своего "мосла", но не этого. Приз-нать свою вину и признать так просто и естественно, с таким спокой-ствием говорить о заслуженном наказании за нес, как будто дело шло не о жизни, а о каких то пустяках — это было необычно и это поражало. И осознав это, казаки ужаснулись, смутились и, понуриль головы, молчали.

- Чу? - не повышая голоса, тем же спокойным тоном, каким говорил раньше, спросил Машкин и в ту же минуту побледнел смертельно.

- Бог простит, Сергей Иванович! - сказал один из взводных урядни-ков, - Мы, урядники, на тебя не сердимся. Все помирать будем! -

- Бог простит! - глухо повторила вся сотня.

- Спаси вас Христос, братцы! - растроганно произнес Машкин. - А я — вот вам крест святой! - Машкин широко перекрестился, - коль оби-жу кого из вас. И всегда буду с вами под пулями, не сомневайтесь... А теперь разошлись, ребятки, и ничего не говорите господам офицерам — они как раз идут. Неправильно жить я поступил, не по службе разго-

варивал с нами, а по душам...

Машкин сдержал свое слово, ни один казак не мог пожаловаться на него после. Заботу же о сотне проявлял он прежнюю. И несмотря на то, что ему, как вахмистру, можно было не принимать участия в полках боях, когда на него оставлялись конояды, он всегда шел в цепь, называя место себя урядника. И произошло странное дело — через полгода казаки души не чаяли в своем вахмистре, прежнем неглистном "мосле"... За три года войны он был дважды ранен, один раз очень тяжело, опрессился и снова дрался в рядах сотни. За отважную храбрость получил три георгиевских креста и медали всех четырех степеней и уже в конце войны, за взятие в плен сотней под его командой — офицеры были все переранены — полуроты австрийцев с тремя пулеметами был представлен в офицерский чин. В феврале 17-го года из прапорщика был произведен в хорунжие. На этом чине он и остановился, с началом революции бои прекратились и он не мог больше проявить себя. Прибыл в станицу, Машкин встретил очень сдержанное, на первых порах даже неприязненное к себе отношение. Старые его сослуживцы по полку, знавшие его как "мосла", распространили о нем худую славу. И, кто знает, по старой недоброй памяти, возможно, посчитались бы с ним, несмотря на его офицерский чин. Но за него стали горой все фронтовики, горячо доказывавшие, что если бы все офицеры в полках были как Машкин, служить было бы легче... В ожидании событий, хорунжий Машкин жил у себя на хуторке, недалеко от станицы, ничем не занимаясь. Да заниматься то, в сущности, было нечем. За год до его прихода домой умер отец, оставил ему по завещанию все имущество. Но воспользоваться он ничем не смог, все куда-то запропастилось. Осталось кое-что из хозяйственного инвентаря у тетки, надсматривавшей за его отсутствием за куреньком и от этого он отказался в ее пользу. Ему ничего не было нужно, от хозяйства он отдал, отдал и от спокойной жизни. Притом, он был уже офицер, а быть офицером, по мнению Машкина, значило быть по-настоящему служивым. И он ждал, когда ему придется применить на практике и свой боевой опыт и офицерское звание... И то и другое пригодились ему в памятные мартовские дни, когда в станице вспыхнуло восстание против большевиков, по счастливому стечению обстоятельств не тронувших ни его, ни других скрывавшихся в станице офицеров. Назначенный военным советом командиром пешей сотни станичной дружины, хорунжий Машкин в две недели так вымуштровал ее, что удивил всех — сотня, состоявшая из никогда неслуживших казаков, вроде отстающих по болезням, льготных по семейным обстоятельствам — "кормильцев", как их в насмешку называли станичники и молодых парней-добровольтцев, походила на настоящую воинскую часть: хорошо рванулась в строй, безошибочно перестраивалась, не плохо для казаков маршировала и, верх достижения, дружно отбывала на пригласения начальства и не менее дружно "играла" песни... Такой нашел ее военный совет, производивший смотр и оставшийся ею весьма довольным, о чем он, в лице своего председателя — майора Ивана Александровича Каргина и довел до сведения хорунжего Машкина, очень равнодушно отнесшегося к похвалам совета. Обладала ли пешая сотня чисто боевыми качествами трудно было судить — боев еще не было, но все надеялись, что когда придет время, сотня не ударит себя лицом в грязь и проявит вродонную казачью доблесть... В военном совете, куда вошли все наличные в станице офицеры, Машкин встретил то же настороженное, граничившее с неприязненностью, отношение, какое ему оказали все станичники по приходу его из полка. Со стороны офицеров — подслушала "ол-солд" и сотника Просиркина, была прокладная лежливость, дальше которой они

не шли и преодолеть которую Машкин, задетый своей гордостью, не пытался и сам. Старые казаки, составлявшие добрую половину военного совета, относились с уважением к его наградам и офицерскому чину, но не выказывали к нему никакой сердечности и особого расположения, какие они выказывали во время разговоров, часто задушевных, с остальными офицерами, и особенно с подесаулом Колесовым. На одном из заседаний совета произошел случай, ярко показавший каким моральным авторитетом пользовался в глазах старых казаков — членов военного совета хорунжий Машкин. Обсуждался вопрос об уряднике Самофалове и приказных Кадочкине и Траилине, сбежавших к большевикам за Дон тотчас по объявлении в станице частичной мобилизации. Старики громко возмущались поступком поребещиков и высказывались за принятие срочных мер и пресечение подобных явлений. И вот тут попросил слова хорунжий Машкин.

— Станичники, — спокойно и твердо заявил он. — Необходимо всех перебежавших к большевикам немедленно объявить изменниками казачества и поступить с ними, как с изменниками и предателями. То-есть, если они попадут в наши руки — безо всякого суда расстрелять их на месте, все имущество их отобрать на военные нужды, а за семьями их вести строгое наблюдение — яблочко от яблонки недалеко падает. —

Это предложение хорунжего показалось военному совету чрезмерным. Старики, в числе восьми человек входившие в совет от населения станицы, запротестовали.

— Эх, загнул, господин хорунжий! Нельзя так! —

— Дать им плетей на мадане и катить, — поддержал старик.

— А, к примеру сказать, причём тут семьи? Семьи-то причём, спрашиваю? — возразил Данил Трофимич, недавно назначенный станичным интендантом. — Я вчера был у Траилиных... Ажнок захлорал старик от стыда, на улицу боитца выттить, желко глядеть... Рази можно держать отлет за сном, а зрадных каких к тому же? —

Высказались по очереди все члены совета. С особым вниманием выслушали станичного атамана и подесаула Колесова — начальника станичной обороны. Смысл выступления обоих сводился к тому, что крайняя мера, предложенная хорунжим Машкиным не только неуместна, но и просто вредна. Вместо ожидаемых положительных результатов, она может резко оттолкнуть фронтовиков от начавшегося освободительного движения и задержать их отказ от "нейтралитета", в правильности которого они начинают уже сомневаться. Вредна эта мера еще и потому, что из-за нее со стороны временно заблуждающихся казаков отлетную, такую же жестокую расправу с населением, в случае возможной молкой неудачи на фронте и, таким образом, сделает невозможным примирение между казаками, столь необходимое в начавшейся жестокой борьбе казачества за свою свободу.

В конце прений выяснилось, что ни о каком принятии военным советом предложения хорунжего Машкина не может быть и речи. Хорунжий Машкин снова попросил слова.

— Станичники! — так же спокойно и уверенно заговорил он. — Мы должны, — Машкин сделал ударение на слове "мы", — побить всех наших врагов! И мы побьем их, если будем тверды духом и согласны между собой. Если мы будем думать о неудаче, как тут говорили, лучше не начинать все этого дела. У нас не должно быть неудач! Поэтому, я настаиваю на своем: сейчас же мы должны объявить всех убежавших к товарищам казаков изменниками, чтобы они знали, что им пощады не будет. Я вам заявляю открыто — если кто из перебежчиков попадется мне, я собственноручно его расстреляю! —

Слова эти, произнесенные твердым, спокойным тоном человека, уверен-

ного в свое прельство, произвели тяжелое впечатление. Старики, опустили головы, удрученно молчали. Подъесаул Колесо, с нескрываемым удивлением смотревший на Машкина, будто он впервые его видел, потребовал постановить вопрос об "изменниках" на голосование.

- Кто за предложение хорунжего Машкина? - задал вопрос майор Каргин - председатель военного совета.

Один хорунжий Машкин поднял руку.

- Кто против? -

Пятнадцать рук заметнулось вверх.

- Предложение хорунжего Машкина единогласно отклонено, - густым басом объявил майор. - Имеются еще вопросы, господа? -

Хорунжий Машкин не пользовался любовью и теперешней своей сотни. Како то холодок был по отношению к нему со стороны всех казаков - и пожилых и молодых. Очевидно, молва, ходившая о нем в прежнее время, не потеряла еще своей силы. Тем более, что ни одного сослуживца по Заклятовскому полку, в виду особого состава пешей сотни, не было, а молодые парни совсем не знали его. Замечал ли это Машкин или нет, но он ничего не делал, чтобы сблизиться с сотней. Холодок во взаимоотношениях между командиром и подчиненными ему казаками так и остался на все время... Машкин разговаривал мало, все время был задумчив и, большею частью, смур. Казакам было как-то не по себе, когда он находился среди них. Даже когда они говорили о нем, они не называли его по имени-отчеству, как всегда называли подъесаула Колесо: "Подъесаул Иван Федорич". О Машкине они говорили просто: "хорунжий Машкин".

Один Герман Минаич за глаза называл его "его благородие", но по имени-отчеству нигде не называл его. Он говорил обязательно: "его благородие - хорунжий Машкин".

И. Абрамов.

----- +++++ -----

Я вернусь к тебе может быть снова,
Жизнь всегда непонятна для нас,
Это время прошло так сурово,
Но когда же изменится час.

Ты нездоровно, как я, постарела
И блещит в голове седина,
Ты разлуки, как я, не хотела,
Но такая судьба нам дана.

Знаю, где проходить мне придется,
Знаю, что нужно будет сказать,
Если сердце твое вдруг забьется,
Встреться ты на дороге встречать.

Я узнаю, что все не забыто,
Что все так совершилось должно,
Что на сердце, от всех было скрыто,
Скажем мы, как, когда то давно.
Будет так, как бывает обычно,
Все окажется ясным потом
И войду я походкою привычною,
По крыльцу вновь в родительский дом.

Труа.

М. Гагрилод.

----- +++++ -----

НА ДЕРЖАВНИКАХ

(Из моих записок.)

Как известно, в старое время Россию вдоль и поперек исходили различные странники, сборщики на Вожи храм, паломники по монастырям и святым местам, нищие побирушки и проч. Вся эту путешествующую братию называли "Вожьими людьми". Они пользовались у простого народа уважением и сожалением. От подьяничьих "Вожьи люди" существовали и свое занятие не

считали предосудительным, к тому же законом не преследовались. Наверно, зная таких людей у себя на родине, некоторые эмигранты первое время начали практиковать эту профессию в Агослании, но по другой форме. Число таких лиц было небольшое и в глаза не бросалось.

В начале тридцатых годов, в собском городке Волеце, ко мне на квартиру зашли двое, не старых русских эмигрантов. По их разношерстной одежде можно было судить, что эта одежда случайно собрана с разных плеч.

Я пригласил их закусить. Благодаря верно приметам угадать пыниц, я к закуске не поставил пыниц. Мои гости сидели за столом как-то беспокойно: пероглядывались, покашливали.

Может быть выжили бы по одной? — предложил я.

Можно и по другой, — как бы шутя сказал один, называя себя капитаном русской армии Веткиным.

— А я кубанец Сазон, — отрекомендовался другой.

Подвинул и закусь, капитан Веткин, что называется, развязал язык и поведал следующее:

— Из Новороссии в 20 году, как больной, я был эвакуирован в Грецию и лежал в пирейском лазарете.

Именно, лежался, — пояснил Веткин, — потому что это был не лазарет, а большая палатка, где не было кроватей и больные лежали на земле. Проложал я там три месяца и за это время поредел много: думал, как начать жить в новой для меня жизни. Рядом со мной лежал оссул Омсод. Я заметил, как он каждое утро куда-то уходил и приносил с собой разную еду и даже деньги. Раз я спросил его: — Где вы работаете?

Он не стесняясь ответил: — Под церковью. —

Оказалось, он ходил к церкви и, как нищий, просил милостину. Этот нищий говорил мне: — Я многое испытал в своей жизни. В подлешее время гражданской войны гребил, убивал, лгал и мне не было стыдно. Теперь я нищенствую и нахожу, что новая моя профессия гораздо благороднее прежних. Наверно кончу под забором, но раскаиваться не буду. —

— Этот оссул, — продолжал Веткин, — предложил мне последовать его примеру, то-есть, вместе с ним просить у церкви, и я последовал. Правда, это мне стоило большой внутренней борьбы и было позорно. —

— А теперь чем же вы занимаетесь? — спросил я.

— Почти том же, чем и в Греции... Только немного по иному образцу. Из Греции я переселился в Сербию, в конце 1923 года. Два года работал на постройке железных дорог. Эх, думаю, от такой работы и конидохнут... Вспомнил я свой греческий промысел и решил: дай попробую что-нибудь в этом роде. Но под церковь не пошел, стыдно, где-то можно встретить русских... —

— Все-таки, чем же вы теперь занимаетесь? — любопытствовал я.

— Живем на легких хлебах, а занимаемся вот чем: мы с Сазоном ходим и ищем работу. —

— Как же вы ищете работу чуть ли не десять лет? —

— Вам это странно и не понятно, а у нас это выходит просто. — И Веткин рассказал:

— Мы ходим из конца в конец по всей Агослании и ищем ненужную нам работу. Вот сейчас мы идем в теплые края, на Охридское озеро и где-то говорим, что мы рыбаки и идем на это озеро работать, а так как денег на проезд нет, то мы, мол, вынуждены просить помощь у добрых людей. —

— Позвольте, — прервал я Веткина: — ведь откуда до Охридского озе-

ра почти 500 километров, когда же вы туда дойдете? -

- А нам куда спешить, мы не спешим. Главное, нам нужно показать, что ищем работу, а иначе нас сочтут за бродяг и будут неприятности. Придя в Охрид и проработав там некоторое время, мы берем маршрут в другом направлении, например, на какой-нибудь завод или фабрику - Хорватии или Словении. Это ведь тоже сотни километров, и все идем на работу. Географию Югославии я хорошо знаю, поэтому называть город и завод в нем, не составляет трудности. Проходим маленькие города, а большие избегаем: там полиция может арестовать. А лучше всего идти по селам: там в кафе встретишь подвыпившего серба, тогда по*, сколько хочешь. Серб одно будет требовать: - Гада, дай ми литр браги русине! - Вот так и колесим вдоль и поперек по братской земле. По пути приходится иногда переживать и неприятности, но зато голодные не бываем и копейка на пропой всегда есть. Вы наверно подумаете, какие странные мы люди: бродяги, пьяницы, лентяи или, просто, босыки? -

- Откровенно говоря, так можно думать, - ответил я.

- У таким названиям мы давно привыкли и они нас не смущают, - заявил Веткин.

За все время моей беседы с Веткиным, казак Сазон только и промолвил:

- А я с господином капитаном вместе работаем. -

- Это мой соратник, - сказал Веткин, указывая на Сазона. - Работаем с ним на равных основаниях. -

Они пробыли в Волеце три дня. В Волеце была катетерская секция, где служили 30 русских геометров-днемичар. Они собрали Веткину с Сазоном порядочную сумму денег и те пошли к Охридскому озеру.

- Хлебное ваше место, земляки, - сказал Веткин.

- На будущий год опять заждем сюда... -

- Наверно по волчьему билету ходят, - сказал один геометр.

Приходилось встречать в Югославии и женщин "путешественниц". Одну такую встретил я в другом сербском городе.

- Прасковья Макарьевна, зовут меня, - отрекомендовалась она, зайдя ко мне на квартиру.

- Я путешествую, - заявила она.

- По городам и селам? - спросил я.

- Приходится всяко, - ответила Прасковья Макарьевна.

- А больше я починкой занимаюсь и стираю белье. Вот и у вас могу похозяйству барыню помочь. -

У Прасковьи Макарьевны, как она рассказывает, сын учится в кадетском корпусе, а дочь в портнихах. Муж убит в гражданскую войну. Содержать себя и детей она не может, вот и ищет способ заработка путешествиями.

- Что греха таить: приходится иногда и милостыню просить, - говорила она.

- Ведь вы уже не молодая, чтобы все время путешествовать, - заметил я.

- Бог даст, детки выйдут в люди и тогда я буду отдыхать, - говорила на прощанье Прасковья Макарьевна.

Говорила она правду или нет - это осталось неизвестным.

Встречались и другие Прасковьи Макарьевны.

-- ++ --

КАЗЬМА ФЕДОРОВИЧ.

Надо полагать, что в нынешней России, то-есть, в СССР, нет больше босых людей, как особого придатка к жизни Святой Руси. В нор-

мальной жизни свободного государства вряд ли есть причины к родству, скитанию, нищете и проч.

Для здоровых людей там есть труд, для больных или старых — опека государства или помощь милосердных людей. Но страных людей всегда можно встретить в людском обществе.

В беженских лагерях можно встретить людей с особым, своеобразным умом, мировоззрением, с какими-нибудь нелепыми идеями, или просто чудаком.

В нашем лагере у меня был знакомый, пожилой человек, по имени Казьма Федорович, поношенный эмигрант, как он называл себя. Он образован и весьма словоохотлив. Я нередко беседовал с ним на разные темы современности.

— Все-таки, чем же вы особенно интересуетесь и чем занимаетесь? — спросил я однажды Казьму Федоровича.

— Я изучаю Америку, — ответил он.

— Как же вы можете изучать Америку, сидя в лагере? — полюбопытствовал я.

— Страну можно знать по ее истории, географии, литературе, а кроме того по газетам, но больше всего по письмам, — объяснил Казьма Федорович.

— Все это верно, — сказал я, — но как можно изучить страну по письмам, я этого не могу понять.

— А я не письма обратил особое внимание и эти письма многое мне рассказали. Вот уже пять лет, как я собираю сведения об Америке по письмам. Я сам пишу много писем своим знакомым. Иногда получаю от них описания американской жизни. Часто захожу к знакомым и спрашиваю, что пишут им из Америки? Делаю выписки, ставлю пометки и у меня получается памятная тетрадь.

— И вы находите ваше занятие интересным и полезным? —

— Отчасти да, — ответил Казьма Федорович и продолжал: — А главное, я узнаю, как живет и чем дышит там русская эмиграция. Вот я вам прочту выдержку из письма, полученного от моего знакомого из Америки. Он пишет:

— Старое поколение, как мы с вами, кое-как придерживается еще старых взглядов, обычаев и образа воспитания своих внуков. Но последние не поддаются их влиянию и всецело воспринимает американский образ жизни. Молодое поколение, дети лиц нашего возраста, если не всецело, то наполовину захлебываются в стиральных машинах, холодильниках, автомобилях и проч. Ничто не спасет от полного исчезновения русской эмиграции, как таковой, и через 20 — 30 лет редко кто из потомства выходящий из России будет говорить по-русски. — Я имел много писем из Америки, но это письмо особенно важно.

Я думаю: если русская эмиграция теряет свой национальный облик, то что же ждет будущую Россию? Коммунисты умертвляют всякое проявление национального чувства, воспитывают какого-то советского, а не русского человека. Неужели так легко может исчезнуть с лица земли и огромная нация? —

— Может быть и исчезнет, — сказал я.

— Как же вы так легко это заявляете? — возбужденным голосом произнес Казьма Федорович, — вы значите, но патриот и не националист! В вас нет национальной гордости! —

— Все есть у меня, но я боюсь, что Россию, в настоящем ее историческом процессе, может постигнуть судьба великой римской империи, в конце своей истории побежденной христианством. Сейчас коммунизм ведет борьбу с христианством и стремится его победить, заменив новым язычес-

глом. История повторяется. -

- Нет, вы говорите что-то страшное, роковое. Вы потеряли и орудия и логику! - возбужденно говорил Казьма Федорович, но успокоившись продолжал.

- Теперь я изучаю Америку по ее литературе. Я прочел Джеймса Адамса - "Американская эпопея" и Луиса Аллена - "Большие перемены".

- Да, это более радикальный способ познания Америки, по американским источникам, чем по эмигрантским письмам, - заметил я.

- А вы не знакомы с Николаем, Максимом Петровичем? - спросил меня Казьма Федорович.

- Слышал про него, но не знаком. -

- Советую познакомиться... Оригинальный мыслитель. А к вам я буду заходить на беседы, - заметил Казьма Федорович.

- Милости прошу, - заходите, - ответил я.

Казьма Федорович не мог вести спокойно и продолжительно беседу, а иногда зайдет ко мне с какой-нибудь мыслью и, непременно, с такой, какую и сам не может ясно понять и я не могу ему объяснить.

- Странный он человек, - думал я.

НИКОЛАЕВ.

Николаев слыл в его бараке за неслыханного человека.

- Он ни с кем не разговаривает, все молчит, - говорили про него сожители.

Я познакомился с ним. С виду он походил на старого русского интеллигента-народника: чистый, с косматой головой, неряшливо одетый...

- Вас нигде не видно, - сказал я при нашем знакомстве.

- А где же вы увидите меня? - ответил Николаев.

- Что у нас есть клуб, театр, собрания, где бы мы могли встретиться? Сидишь в своем логове, выйдешь подышать свежим воздухом, вот и вся наша жизнь. -

- Все-же можно чем-нибудь заняться, заполнить пустоту жизни, чтобы не умереть душой, - сказал я.

- Да я и занимаюсь: читаю книги, газеты, слушаю радио... Нет, умирать душой я не думаю. -

- Ну и что же вы читали? Какой итог подложите прочитанному? -

- Вычитал я много, да и свои мозги имею, разбираюсь в некоторых вопросах современной жизни; для этого у меня имеется жизненный опыт и собственный университет: вся моя жизнь учусь. -

- Мне бы хотелось познакомиться с вашим мировоззрением, с вашими взглядами на современную жизнь. В частности, какое ваше мнение о русской эмиграции? -

- Откровенно вам скажу, - ответил Николаев: - если вы хотите испытать меня, сделать экзамен, то, простите, наша беседа должна быть окончена. В одном лагере я побеседовал с одним образованным человеком, а он слушал меня и говорит: - вам место в Палате № 6. -

- Читали вы эту чеховскую повесть? -

- Читал. Но я не имею оснований считать вас героем этой повести - Громовым. Прошу вас верить мне и продолжить нашу беседу. -

Николаев немного подумал и сказал: - Ну, что-ж, побеседуем. Я бывший земский деятель, - начал он.

- Должен заявить, что прошлое России я знаю не плохо, потому что интересовался ее историей, общественной и государственной жизнью, условиями жизни нашего крестьянского народа, его бытом и прочее.

Никогда не соглашусь и не потерю, что революция в России, в 17 году, сделала шайку заговорщиков-революционеров. Это могут утратить только те, кто не видел и не знал общественного и революционного движения в России со времен декабристов. Этот исторический процесс закончился большевистским захватом России. В настоящее время, как видно, загосподствовал американизм, «солженицизм» — сознание людей модь техники, машины. Но ведь машина может испортиться, сорваться под откос... А тогда что? Нет, американизм, как я думаю, не к лицу нам. Русская эмиграция попала в орбиту американизма и наивно расторгается в нем. А ведь она ответственна за сохранение всех наших духовных ценностей, нашего национального сознания и нашей культуры. Она должна передать нашему новому поколению, нашей смене, веру и убеждение, что русский человек не должен забывать, что он принадлежит к великой нации. —

— Вы очень хорошо это сказали, — заметил я. — Это должно относиться и к моему, казачьему народу. —

— Это относится к эмиграции вообще, — заявил Николаев.

— Но вы касаетесь таких вопросов, — заявил я, — которые могут разрушить какое-то наше поколение, если суждено ему существовать... Современная наша эмиграция отдыхает от пережитых ею лихолетий. Она стремится жить просто, обязательской жизнью, с удобствами, сытно, нарядно, весело. О будущем России, как мне кажется, думают профессиональные политики, да революционеры антикоммунисты. —

Выслушав меня Николаев сказал:

— Все это так... Но мне кажется, что в мире царит сейчас такая политическая, социальная, моральная, экономическая и религиозная неразбериха, что никакая наука, ни техника, ни философия не в силах привести здесь этот хаос в порядок, поставить на свое место, придать всему свое истинное значение. —

— Ну это вы слишком о высоких материях заговорили, — заметил я. — Нам с вами — этом не разобратся. —

— Тогда поговорим об эмиграции, — заявил Николаев.

— Об эмиграции много говорят, — сказал он. — «Сырки» осел порошит лагнуть со копытом. А она свое дело делает: усиленно служит панихиды и молебны, устраивает банкеты и торжественные собрания, на которых нередко горячие ораторы берут себя в грудь и кричат: — У нас Пушкин, Толстой, Достоевский, Чайковский, и так далее. А если бал, то до утра танцуют, пьют, поют. Да иначе и быть не может: — Коли схать, катать! Голодом не жалко! Этот дразн остается в силе и поныне. Все это называется — поддерживать наши славы традиции. —

— Ну и здесь вы придаете в крайность, — заметил я. — Мне кажется, что наша эмиграция не сторвалась еще от родной земли, еще пахнет родным черноземом, степью... —

— Пахнет то она пахнет, да выдыхается, — заявил Николаев и продолжал: — кажется надо понять, что скитаемся мы по чужим странам и лишились свое родины не без причины. Надо быть скромным и больше наблюдать чужую жизнь, учиться. Нет, мы не хотим других учить, как, мол, надо жить на свете... Тут часто достается и американцам и многим другим: они же поступают неправильно, а вот нужно было бы делать вот так и так... И начнем учить других, как им нужно жить, а того не хотим сознать, что просим у них милостыню, ходим, как галки, в чужих порьях и без своего угла. Нет, тут что-то не то. Я думаю, нужна еще одна встряска, да и не нам одним. Пусть будет еще один переп, после Бог сотворит новый мир, с новыми порядками на земле, с новым человеком. —

— Ну, это вы хлестили через край, — заметил я.

- Но ведь вы хотели знать мое мировоззрение? Слышали, что я вам не-
говорил? Наверно подумаете, что и правда мне место в Палате Б. -
- Нет, - ответил я: - с вами беседовать интересно и полезно. -
- Заходите еще, - сказал мне Николай на прощанье.

А. Тапилин.

ВЛА ПУРА.

Вла поря! По доле Рока
Сгряслась нежданная беда
И отступали мы с востока
Зачем не знали и куда?
Час мучила одна тревога,
Сграшила нас одна напасть,-
Мы казаки молили Бога,
Чтоб в руки русских не попасть.

Воздадим Господу мы славу,
Когда с боями среди равнин
Мольком проехали Гаршалу
И понадеялись в Берлин.
Ведь связала нас неслучайно,
Гориз надеждой мы одной:
Пройти моря, границы, реки
И возвратиться в Край родной.

С.Ш.А.; М.Можаяев.

+
+ +

Недавно вышла из печати книжка очень неплохих стихов Н.С. Альникина. Мы даем о нем биографические сведения очень краткие, но точные.

Николай* Васильевич АЛЬНИКИН, казак Чимлянской станицы, хутора Карнаукова. Родился 30 нояб. 1898 г.; с 1906 г. покинул хутор, переселился с родителями в ст-цу, где и продолжал ученье в приходском училище.

С 1910 по 1916 - 6 классов Константиновского реального уч-ща; 1916-17 г.г., последний, 7-ой класс Нижне-Чирского реального уч.

С 1917 г. поступил на горный факультет Чошочеркасского политехнического института.

Затем гражданская война: с 1918-20 г.г. (на Дону, на Кавказе и в Сев. Таурии) - в Калодинском полку. Затем, с полком, из Керчи, в лагерях "Атаалда и Санжак-Тепе (около Константинополя); а потом, уже на "Бехенском" положении: Ломнос (где записался было в легион, но "условно", что позволило до-время выписаться).

Затем Болгария ("химиком" на одном сахарном заводе, на земных работах в Родопских горах, по постройке авт. дороги и разнне "бехенские" должности в Софии).

В 1922 г. удалось поробратиться во Францию, где, летом и "на каникулах", работал на разных заводах (между прочим у Рено), а зимой учился, сначала в Сорбонне, а потом в Нансйском университете, получил, в 1926 г., диплом инженера-геолога.

На друго* же донь, после последнего экзамена в Нанси, выехал, сопровождая одного своего нансйского профессора, в Марокко, для геологических разведочных работ, где находится и по сей день. То лет уже 30, как служба его стала больше бюрократическая, чем геологическая.

В настоящее время, "донь" - самый действительный инженер в марроканско* горной промышленности, делает рудничные экспертизы металлических залежей для франц. горнопромышленных обществ нашей группы, и административное управление марроканских "илиалов" этих обществ.

Родился в 1925 г., имеет двух сыновей* и двух маленьких внуков. Через три года будет на пенсии.

О СТИХАХ.

В казачьей среде, здесь, за границей, обнаружилось не мало поэтов и притом очень неплохих.

Мы имеем таких поэтов, как П.С. Доляков, П.Н. Туронеров, М.И. Гаурило., Ч.Б. Ельсеев, П.Н. Донской, М.П. Можая; недавно вышла небольшая книжка стихов Н.В. Альникина.

Но был еще один поэт-Донец Кундрицкий, я даже не знаю его имени-отчества. Многие утверждают, что это был поэт Божию милостию. К сожалению, никто до сих пор не удосужился собрать его стихи, рассеянные по разным казачьим журналам и газетам и издать их хотя-бы ротагорным способом, все таки хоть что-нибудь да останется, а то ведь журналы и газеты исчезают и многие уже исчезли, и так исчезнет и память о талантливом казачьем поэте. Все это, увы, следствие наше подлинно некультурности.

-- + + --

"Лучшее украшение и высшее достоинство стиха составляют его гармония, как стройность в переливах звуков и последовательности ударений, и мелодия, как сочетание звуков, производящее музыкальное впечатление", говорит один знаток стиха, и далее он продолжает: "Как в музыке кажется современному слуху созвучием то, что некогда производило впечатление диссонанса (неприятное созвучие), так и в стихосложении, с усилением способности объединения разрозненного, возможны новые, более сложные принципы, объединяющие то, что прежде казалось за пределами обозримости".

Мы будем говорить о размерах; у нас употребляется только пять (хорей, ямба, дактиль, амфибрахий и анапест), и употребляются они в их чистом виде. Но некоторые русские поэты в одном и том-же стихе употребляют два разных размера - "Что дремлет - чий лес
"Призвалу - мался?"

Н.В. Альникин в его недавно вышедшей книжке стихотворений есть одно такого смешанного размера и от этого смешения получилась такая речь:

"Ты подумай - подумай,
"Ветер, ни - зови!"

Если можно делать такие сочетания размеров, то почему-же нельзя делать и других сочетаний; но все это дело поэтического чутья и вкуса, и таким изыскателям новых размеров не мешало-бы обратиться и к источникам народной поэзии, может быть внимательный и вдумчивый поэт найдет там что-нибудь полезное для себя. У римских поэтов существовало 23 различных размера.

В одном из предыдущих номеров, мы обещали написать о рифмах, но это мы откладываем опять до другого раза. Мы укажем лишь на некоторый новый порядок рифмования:

"Те спится мне (1,
В ночной тиши (2),
В степи широко* (3),
И в глубине (1,
Мое* души (2),
В тоске глубоко* (3) (стр. 29).

Есть и такое сочетание: ... далеки* (А),
... с них, (В),
... глубоко*, (А),
... одиноко*, (А),
... моих. (В) (стр. 28).

И. П. Буденов.

НЕКОТОРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

В станице Бурацкой (Хоперского окр., были два народных учителя, служивших в местном приходском училище - П.П.Бурлаков, по своим политическим убеждениям махровый монархист, другой - А.Ф.Лагутин - убежденный республиканец, имел соответствующую литературу, тогда запрещенную.

В соседней Тишанской станице был заседателем Л.И.Сутулов, бывший прежде народным учителем, а учителем местного приходского училища И.П.Буданов. Все четыре "героя" этого маленького воспоминания были воспитанниками Новочеркасской учительской семинарии.

П.П.Бурлаков женился на дочери секретаря Окружного Управления Силуанова и сейчас же получил должность заседателя (собственно полицейская служба, в ст-це Урюпинской).

Очевидно, горя желанием выдобриться перед новым начальством, а, может быть, к тому же свести и свои политические счета, П.П.Бурлаков уговорил своего тестя произвести обыск у А.Ф.Лагутина. И действительно, Л.И.Сутулов получает из Окружного Управления предписание произвести у А.Ф.Лагутина, с которым он был приятелем, обыск.

Приехал к Лагутину, Л.И.Сутулов нашел у него "опасную" литературу, но, по-приятельски, отписал Управление, что никакой литературы не нашел, и оба они успокоились.

Бурлаков, ознакомившись с этим донесением Сутулова, "возмутился":
- "Как ничего нет! Я же сам знаю, что есть!" - и вызвался сам поехать и произвести обыск; приехал, нашел и уезжал с собою.

Через некоторое время Лагутина арестовали и сослали на три года в Сибирь в Нарымский край со всеми произтекающими из этой ссылки последствиями, заседателя же Сутулова, очевидно за "небрежность", уволили со службы. Но так как у жены Сутулова в Урюпине были влиятельные родственники, то через них удалось добиться, что его оставили на месте.

На этом деле Бурлаков не успокоился.

Тишанская интеллигенция имела обыкновение вечерами гулять по площади; дамы вели свои дамские разговоры, мужчины же говорили и о хозяйственных делах, рассказывали и анекдоты, говорили и о политике.

В одну из таких прогулок, улучив минутку, Сутулов потихоньку говорит Буданову:

- "Завтра приду с обыском; все, что есть опасного, спрячь, а всякую ерунду оставь." -

На другой день так и случилось. Сутулов приходит к Буданову на квартиру, поставив полицейского во входных дверях со строгим наказом никого в дом не впускать и никого не выпускать, стал производить обыск и забрал в конце-концов приготовленную ему "всякую ерунду" и ... оба они остались на местах.

Но бывает и возмездие. По доносу одного пьяницы, имевшего какое-то отношение к Окружному Управлению, туда приехала ревизионная комиссия с ревизором (тот же обыск, и нашла много не порядков (подлогов, и все управление было передано суду Судебной Палаты; в результате и Бурлаков со своим тестем, по лишении чинов и орденов, получили по одному году арестантских отдалений.

И.В.

М. А. ШОЛОХОВ И П. М. АБРАМОВ.

Отношения к своим героям у М.А.Шолохова и П.М.Абрамова совершенно различны. Шолохов не очень их любит, тогда как Абрамов относится к ним

совершенно иначе. Приведенные выдержки прямо это указывают.

- "... любопытно и жадно, по собачьи, взглядывая ему в глаза" (стр.29),
 "... хоть легкого, хоть скользь упоминания о ней... награду за ее собачью привязанность, за черноту" (стр.354),
 "... злобмательную щетиною пасть" (стр.37),
 "... раскрытая пасть с желтыми нагими деснами" (стр.171),
 "... подымал торчком широкую, что лошадиное копыто, черную ладонь" (стр.355),
 "... и ласково шлепал широкою, как лошадиное копыто, ладонью бутылку в зад" (стр.99),
 "Браты сплели бороды разномастным платком" (стр.97),
 "... желтую коноплю свалышеся бороды" (стр.95),
 "Пшеничными усами" (стр.99),
 "Сияя ласковыми телячьими глазами" (стр.258),
 "Щедро моргала ласковыми телячьими глазами" (стр.305),
 "Как казенные пуговицы, коршуничьи глаза" (стр....),
 "Григори" вздохнул - лошадиный, с выхрипом вышед лоздук" (с.31),
 "Что дождался, выморкался, как грапником хлопнул, пошел в конюшню" (стр.338),
 "... аршинную босу ступню" (стр.57),
 "Рыжие волосы его, пахли потом и навозною прелью" (стр.102),
 "Оглядел чалкающих, хлюпающих, жрущих людей" (стр.103),
 "По левую сторону черным табуном сгустились казаки" (стр.198),
 "По воскресеньям с утра галили в церковь семейными табунами" (стр.242),
 "Подходя под крест, целую облепчавленную многими ртами блестящее серебро" (стр....),
 "На лице ее... выступал обильный лонючий пот" (стр.42),
 "Взят в ноздри острый, сладковатый бабий пот" (стр.59),
 "Разопрешь от плеча бабы животы" (стр.103),
 "На морщинистых рукавах, подопрешь и слинявших подмышками от остро-сладкого, ширящего в нос, как горчица, бабьего пота" (стр.242),
 "С крыльца гусыней поплыла Ильинична" (стр.106),
 "... длинная жердястая баба" (стр.208),
 Мы признаемся откровенно, что с некоторою брезгливостью делаем эти выписки; из них видно, что у Шолохова нет других сравнений Казаков, как только с животными и птицами, причем с худшей стороны; он, как видно, во всю долгую жизнь на Дону, ничего хорошего, привлекательного и не заметил в Казаках и Казачках, не коснулся их подлинной духовной жизни. Особенно неизящна следующая выдержка:
 "Аксинья, вся в огне и дрожи... переступила с ноги на ногу, как обормотенная ячменем лошадь" (стр.130),
 Обычно талантливым, подлинно талантливым, писателем или поэтом сам переживает вместе со своим героем и волнуется его чувствами, вследствие чего и произведения их вызывают к страданиям героя сочувствие читателя.
 "Аксинья в огне и дрожи", значит, ее что-то глубоко затронуло, но автор тут-же добавляет хладнокровно, что она переступала с ноги на ногу "как обормотенная ячменем лошадь".
 Но вот мы приводим выдержку из романа "За Краем Родной" П.М.Абрамова, касающаяся той-же эпохи, но П.М.Абрамов - казак, природный казак (Шолохов, как известно, из евреев, родившихся и прожил в них на Дону), и какое огромное различие между этими писателями в их подходе к описываемым ими событиям и лицам.
 "... И как предельное выражение всех этих сложных переживаний, ясно

им осуждаемых, но вряд ли осознанных, Герман Минаич медленно, с приданом перестав на лбу, животе и плечах, всенил себя крестным знаменем. Потом упал с лба на колени и припал головой к земле... Герман Минаич начал молиться...

Придется оставить его на некоторое время в покое. Есть нечто настолько интимное в уединенной молитве человека, что становится неловко, когда случайно приходится наблюдать ее. Как будто невольно вторгнешься ты в святая святых, в тот заветный уголок человеческой души, куда никто, никогда и ни в каком случае не имеет права вторгаться... Святая святых!... Абсолютное немощательство и безграничное, безусловное улажнение!

... Когда Герман Минаич поднялся, на лице его остались следы слез...

... Эх, ты! И тут подошла старость!.. Никуда от нее не уйдешь...

Чуть-что... и капает... Страма!

Смушонно улыбаясь, Герман Минаич поскорей протер пальцами глаза, мимоходом, всей ладонью, разгладил бороду и улыбнулся уже другой, обычной своей подкупающей, счастливой улыбкой.

- Баряет, смотри, Ленид Матьевич. По*тить поглядеть... будить-ить велел. -

Герман Минаич подошел к одному из тополей. Около него, укрывшись его шинелью, спал урядник Туркин.

- Ленид, о Ленид, - негромко и ласково позвал Герман Минаич, толкая своего изводного. - Вставай, што-ль... Солнушка всходить...-

Туркин потянулся, открыл заспанные глаза, моргнул несколько раз краду и сразу сел.

- У-у, как рассел! - улыбаясь, произнес он.

- Да-с... Солнушка не ждоть нашего брата... Хе-хе-хе... - рассмеялся

Герман Минаич и уже серьезно спросил: - По*дешь по постам-то? -

- Конечно! - вскричал Туркин и одним прыжком очутился на ногах.

- Бог умоюсь черепашьей водо*, возьму кусок сала и загужу к Прорье. Малко, удочек не захлатил... Хорошо бы сейчас, на зорьке, порыбалить. -

- Дитё еще ты, Ленид Матьевич, - не удержался от улыбки Герман Минаич. - Рази можно сейчас об хлестах помышлять? Бойна началась, а он горбыле* ловить хочеть...

----- + + + + -----

РАЗНОЕ.

Редакция "К.И.С." получила от одного нашего парижского читателя письмо с выражением очень ценных соображений, с которыми знакомим читателей, по поводу названия Чехачьих государств "Бойсками".

- + -

- Пользуясь случаем, отмечаю одну прогрессивную мысль, выраженную в "КИС": "Все эти рассуждения об обязательном воинском стаже (Атманском, П.К.) пахнут уже старинкой, нолая жизнь предъявляет и новые требования".

Давно пора обратить бы внимание на подобные "старинки".

Так, разговаривая с шестнадцатилетним юношей, я показал ему "Р.К." и спросил: знаком ли он с этим журналом?

- "Нет! Я же не воин!" - получил от него ответ.

Как я ни старался убедить его, что это общественный орган, - он недоверчиво смотрел на меня и, усмекаясь, показывал пальцем: "Вот здесь же написано - "воинского объединения"...

Я понял, что я побежден, что мы отстали от жизни, что мы не очистили себя от истности, что прилагательное "бойсковой" давно давно пахнет "старинкой" и ему надлежало место в музее. Бойско - понятие определенное

оно состоит из полков, дивизий, батальонов и пр. Его можно сформировать и за ненадобностью сокращать и даже распускать. Если в период борьбы, мы, не имея понятия или весьма мало - о своей истории - , брали во внимание, что было под руками, то за 40 с лишним лет можно было кое чему научиться и понять, что имеем территорию, населенную народом, объединенному по признаку общности интересов, нравов, обычаев, культуры и готовым защищать себя всеми доступными способами, - т.е., приобретаем все права, определяющие народ.

В самом деле, нельзя же думать, что народы, зародившиеся раньше нас, свалились с неба, а не создались исторически-эволюционным путем из отдельных единиц, объединившихся для общей пользы.

Но потому ли, что мы до сих пор бродим в потьмах, великороссы имеют какое-то право признавать нас за военное поселение и охранную войска, которое за ненадобностью можно распустить.

Единственным у нас утешением - народившиеся национальные каз. организации, которые, перебродив, современом принесут свои плоды.

К. П.

-- + --

Вот еще грустная выдержка из письма (Германия) о наших казачьих делах.

- "Наши казачьи Думумбы, проживя сорок лет в эмиграции, остались также девственно глупы, как и были от рождения. Ничто их не научило, ничто на них не действует. Со всех сторон слышу такие вещи, которые заставляют серьезно задуматься над нашим будущим. В прошлой нашей истории, по моему глубокому убеждению, все наши, как мы их сами называем "трагедии" были результатом нашего народного характера, нашей политическо- незрелости. И Разин и Булавин и Пугачев и Каледин и Назаров и ... числа им нет... погибли не врагами уничтоженные, а преданные казаками... Недавно, в начале этого года смотрел я, наблюдая за тем, как один из таких Думумб, вошед в договор с парочкой еще более мелких, по мотивам низким и подлым, всеми силами старался сорвать все, что создавалось годами. И почти сорвал... И грустно и страшно становится."

-- + --

Мы получили это письмо из Америки еще в августе п.г., но не могли его поместить в октябрьском № за недостатком места, а письмо это по своей объективности, спокойствию и трезвости взглядов представляет интерес.

- "На днях получил новый донской национальный журнал от Алимова. Много в нем правды, но подход к казачьей проблеме настолько узкий, что с ним мы никогда и ни от кого помощи не получили бы. Отдельные Войска не проблема, так как это для иностранцев очень сложная комбинация, которую они не поймут.

Объединенное же казачье государство легче ими воспринимается и они готовы ему оказать помощь. Вполне согласен с Алимовым в вопросе происхождения всех казачьих Войск от Дона и, что нам надо ограничиться только территорией европейскою, даже без Урала и Оренбурга, а казаков, которые еще остались на этих землях стянуть на Дон, Кубань, Терек, Астрахань. Программа максимум, которую проповедают наши "серхонные", мы никогда не осуществим, так как на землях уральцев и оренбуржцев живут другие народы, во много раз превышающие своей численностью казаков. Я согласен с ним и в том, что надо уплотнить на Дону и Кубани с Терекском казачье население. Но Алимов даже и кубанцев с терцами называет оккупантами, хотя терцы живут на Терекке более трехсот лет, а Черноморцы заняли земли Великого Войска Кубанского, которое жило на этих землях еще при Иване 4-ом.

Алимов видит спасение казачьего народа в КООПЕРАТИВЕ. По моему это

крайность, так как одним печатанием книг политического успеха с гарантией достигнуть нельзя. Он уже три года призывает казаков организовать кооператив, но как видно, результаты плачевные.

У нас, националистов, имеется уже 5 журналов и одна газета. Это получилось в результате разрознительной работы наших "верхоуных". Лучше было бы, если бы был один еженедельный орган печатный, чем шесть и пять из них ротаторных.

Некоторые донцы, отколовшиеся от Иолжкова, предлагают обратиться к Мельникову, как к арбитру. Ясно, что для нас Мельников совершенно не является авторитетом, а арбитр должен им быть.

В свое время Мельников издавал журнал и не нашел среди казаков поддержки, то как можно теперь уповать на его способности объединить казаков донцов.

Вот и недавно здесь был съезд Донцов. Собралось до ста человек, но казачья интеллигенция этот съезд бойкотировала, а без нее вообще работа активная и серьезная невозможна. И.А. Вильям говорит, что если у него нет грамотных казаков, то зато он имеет два диплома. А если 74-х летний И.А. Вильям завтра умрет, то что останется от его организации. Мы все знаем, что когда его арестовали во Франции, то вся его организация распалась и только в Чехословакии националисты продолжали работать всю войну.

Здесь имеется 9 профессоров-донцов в американских университетах и более 70 донцов с высшим образованием, но 90% их такого же мнения, как и проф. Чеботарев, который считает казаков сословием или пограничными крестьянами.

Нет иного выхода, как с имеющимися у националистов силами и дальше работать в АБН, которую многие, не знающие этой организации, считают фашистской и т.д. Все это не серьезно и только приносит вред нашему делу. Я могу утверждать, что там такие же националисты, как и мы. Всякие малороссы, как Дикий-Заккевич и наши руссофилы стараются всеми способами скомпрометировать АБН, но все же их усилия оказались напрасными.

Многие приписывают себе заслугу в том, что Американский президент объявил закон о угнетенных народах, но фактически все продел проф. Лобрянский, что подтвердил и Чеботарев, который уже десять лет находится в самой тесной связи с АБН. И только потому, что мы состоим 15 лет в АБН, о нас упомянули в резолюции.

Такие как Лидин, тесно связанные с социалистами, видят в АБН своего врага, потому что АБН всегда боролся и будет бороться против интернационалов, независимо от того, какой это интернационал, первый, второй и третий.

Наше спасение только в четкой национальной программе и всякие социальные проблемы надо оставить до того момента, когда будет создано казачье государство. Мы ясно представляем себе, что в казачьем государстве, как во всех иных на свете, будут разные политические партии, будут и социалисты, но там они будут все социалистами, аграрниками, ремесленниками и т.д. казачьими, но не интернациональными. Это вполне логичный процесс и мы с ним должны считаться.

Лидин, за 45 лет состоявший в социалистической партии, человеком стал чужим для казачьего народа, так как все его мышление направлено на интернациональную базу. Такие нам кроме вреда ничего принести не могут.

Многое дело Долгов. У него нет баласта Лидина и он постепенно подходит к национальной проблеме совершенно объективно. Последняя его статья в "Каз. Единстве" была совершенно национальная и возразить против нее нет смысла. Видно, что человек, знакомящийся с национальной казачьей проблемой, по мере знакомства с новыми данными, все более и более приближается к национальной казачьей программе.

Сектор Глазковский здесь совершенно расписан. Журнал "Казачья жизнь" совершенно отмахивался от Глазкова и теперь он остался безглазным. Видит Глазков не все казачьи собрания, но нигде ему не дадут слова." -

--- +++ ---

Мы здесь приводим несколько указов и распоряжений из Полного Собрания Законов (П.С.З.), касающихся устройства и организации Гребенского, Терского и Семейного Войск.

Другие указы и распоряжения, касающиеся этих-же Войск, будут приведены в следующем номере "ЖК".

П. С. З. Т. VII, № 4462, 5.2.1724.

Донские по Его Императорского Величества указам декабря 3 дня 1723, да Генваря 13 сего 1724 (о ? - в указе 1725 г. написано: 500 семей на Аграхань, 500 семей к Гребени из Донских казаков с запольных речек ... работу 5,000 Татар; из них половину в Баку и другую на Куру 2-. В указе 1724 года Генваря 13 дня написано: о переводе на Аграхань указ дать Атаману приезшему, а для переписи, объявляя ему-ж, послать по времени офицера, года делано из Донских казаков с запольных речек перевести 500 семей на Аграхань, 500 семей к Гребени, и о том переводе дать указ Атаману приезшему; и по тому указу и по приговору Правительствующего Сената, оный Атаман в Сенат призван и делано ему подать ведомость, из которых числ тех казаков перевести способное, и полыми городками или другим каким образом, и сухим-ли путем им идти за их проложатями или водою и которыми местами; а в ведении Атамана Лопатина написано: чтоб оных казаков откомандировать из всех, войска их, Донских, Донецких и Коперских, Вузудуцких и Медведицких городков, по переписным ведомостям по сколько семей из городка придет, а идти им сухим путем от Дону до Терка шляхом бригадира Битерахия, ибо могут они забрать при себе пожитки и скот и в дорогу запасу, и дабы им откомандированным за скудость на вспоможение и проложатим на подъем определено было денежное жалованье; и по тому ведению, Его Императорскому Величеству докладовано Генваря 31 дня, и Его Величество, слушав того ведения, изволил на оном подписать собственною Своею рукою тако: Учинить по сему. И по тому Его Императорского Величества указу, Правительствующий Сенат приказал: оных казаков на Аграхань и на Гребени по 500 семей перевести будущим летом за их проложатями, и идти им сухим путем по вышесписанному ведению Атаманском тракту, а на подъем оным казакам, також и посланным за ними проложатим выдать по указу из Штатс-Контори 5,000 рублей, и о том в Штатс-Контору, а о переводе тех казаков и о послыке за ними проложатых, и о приеме и о поселении в вышесписанных местах к Генерал-Фейтенанту Мамышкину и к Астраханскому Губернатору Волынскому послать из Сената указы, и имонно: выдать тем, которые определены будут для перевода по 4 рубли на семью, а проложатим по рублю человеку.

Т. VII, № 4509, 20.9.1724.

Донских казаков, которым велено выехать с запольных речек для поселения на Аграхань 500 семей, в Гребени 500 же семей, и из оных поселить от крепости Святого Креста по Сулаку до морского устья 500 семей, да от крепости ж Святого Креста по Аграхани 500 семей; на Куре-реке крепости не строить, и для того по прожнему наряду Татар на тою реку не посылать; а буде посланы, тех возвратить.

Т. VII, № 5041, 20.3.1727.

Сего Марта 20 дня указали Мы, по доношению Военной Коллегии, Терским, и Гребенским казакам 500 человекам, для излишняго их проти. прошлых лет

труда и за службы, к прежнему жалованью учинить прибавку, покамест в Чинзовом корпусе воинския действия продолжаться будут, а именно: денежного по рублю человеку, а с прожних по 7500 рублей*, да хлеба по прежнему Правительствующего Сената определению 1725 года ржи и муки по 2162, а с по 7500 четвертой на год; и давать то жалованье с нынешнего 1727 года из Астраханско* губернии из тамошних сборов погодно, за приезд от тех казачьих станиц в Санктпетербург жалованья и кормовых для дальнего провозу, почтому приезжим от крепости Святого Креста и Астраханским легкими станицами гостя и прогонных от Санктпетербурга до Астрахани, а езды того за издержанное от Гребной до Санктпетербурга за наем подвод по их сказке всего 563 рубля 1614 копейк, выдать из Камер Коллегии из неположенных в штат доходов, именн Терским и Гребенским казакам по челобитью их дать на воинско* из Московско* Мундирной Конторы из старых знамен 1 большое, да 4 малых знамен, да Атаману и казакам из старых же по сабле на человека из Оружейной Палаты, как и Астраханским казакам в 1725 году по определению Правительствующего Сената дача учинена, а предь им казакам о нуждах своих бить челом в Астрахани командирующему Кизовым корпусом Генералу, а в необходимость его тамошнему Губернатору, а для челобитья в Санктпетербург нарочных станиц не присылать.

Т. IX. № 6973. 20.5.1736.

Понеже Военная Коллегия и Сенат доношением представляла, что в 1724 году, по указу, блаженна и вечнодостойна памяти, Государя Императора Петра Великого, переведено с Дона на Астрахань казачьих тысяче семь, а на подъем выдано им тогда жалованья по 4 рубля на семью. А ныне до присланной от онаго войска отпискою, и зимово* станицы прошениями, объявляют, что по переезде с Дона к крепости Святого Креста, поселены они были по Сулаку и Астрахани рекам, а с тех мест от неприятельского разорения переежены на житье с места на место трижды, а ныне на реку Терек, выше Кизлярско* крепости, где кроме малых осадных крепостей, которыя для осторожности от неприятеля сами они сделали, никаких городков и домов еще не построено, от чего пришли в крайнее убожество, и живут с женами и с детьми в землянках с великою нуждою, и построиться некогда, и нечем, понеже разстелены они по реке Тереку на бродах по заставам, и содержат в степях развезды и командируются в партии и в разная посылки непрестанно, от чего лошади в худобу приходят и помирают, да и кроме того, неприятельские люди, конские казачьи табуны отгоняют, и приближаются с великою нуждою; чтоб им для нынешняго на новое место переезда и в неграждение почessonных убытков и крайняго их убожества и всегдашних трудных служб, выдать на строение дворов против того, как переедонными с Дона на Волгу казакам определено, чтоб могли к службе и в нынешнем нужном знатие и убожестве исправиться. А по мнению той Коллегии, оным казакам награжденио учинить не должно, какое повелено будет, дабы они имели чем на новом месте поселиться и службу свою со всекой исправности продолжать. А записавшихся к Царицынско* линии казачьих тысяче пятьдесят семи семьям, которыя поселены по Волге, на строение дворов на каждую семью выдано по 72 рублей из Ататской Конторы. О чем от Сената в Кабинет Ея Императорскаго Величества к Господам Министрам сообщено с таким рассуждением, что и вышеписанным казакам за службу их и неоднократное с места на место переезжение, дабы они предь к службе исправны быть могли, на строение дворов на каждую семью на наличное число по 70 рублей выдать не должно, из неположенных в штат доходов. На котороо сообщение, из Кабинета Е.И.В., за руками Господ Кабинетных Министров сообщено-ж, что о том, Кабинет Е.И.В., с рассуждением Правительствующего Сената согласен, только не должно той дачу казакам на строение произвесть на наличное число из неположенных в штат доходов,

если от окладных и прочих нужнейших доходов будет остаток; и для той раздачи употребить надежного человека, который-бы наличными казачьими семьями пересмотреть и те деньги наличным порядком отдать и правдивый счет учинить мог. **П р и к а з а л и:** Штате-Конторе, за недостатком ныне денежной казны, и чтоб нужнейших расходов не оставить, выписанным казакам, на наличное число семей, на строения домов отпустить из неположенных в штат доходов в нынешнем, 1736 году пополю, на каждую семью по 5 рублей и того пять тысяч руб. и для раздачи тех денег, Военной Коллегии определить из обретающихся там, по близости, или откуда надлежит отпустить из Штаб или Обер-Офицеров одного по рассмотрению той Коллегии, кому оная в том поверить может, с таким определением, чтобы он прежде те наличные все казачьи семьи пересмотрел и на них раздачу учинил на одних наличных по равному числу, дабы одним перед другим обиды не было, и чтоб они строения домов своих исправлялись немедленно, и в тех доньгах, учиня достоверный счет, сообщить в Штате-Контору; по которому рассмотря той Конторе, сколько определена дача на каждую семью в 10 рублей не достанет; то число штате-Конторе ассигновать в будущем 1737 году, который отдать тому же определеному от Военной Коллегии, которому оная в раздачу употребить, и достоверный счет прислать выписанным же порядком.

Т. XII. № 9303. 23.7.1740.

Правительствующий Сенат, по доношению Военной Коллегии, коим объявляла, что до оной Коллегии о соединении Семейного войска с Гребенскими и о бытии выбранным одному войсковому Атаману из Гребенских Ивану Борису и Старшинам трем человекам Ивану Петрову из бывших Семейных, Максиму Татаринцеву, Демонтью Монбееву, непременно для лучшего порядка, как в Донском и Яицком войсках состоят и прочих надобных обстоятельстве, о чем и прежде Правительствующему Сенату было представлено, утверждается на прежнем своем определении и на представлении Бригадира и Кизлярского Коменданта, понеже до выборным Атаману и Старшинам учинен оным Комендантом, при общем вокруг обоих тех войск собрании, и видно, что то им угодно, и прошения от казаков никакого о небытии тем непременно Атаманами и Старшинами непоказано. Буде-ж им не угодно б было, то и выбору не учинили б, или еще спор или просьба могла б быть. К тому ж выбранной Атаман и Старшины в войсковое правление уже действительно вступили и как им в том правлении поступать и по присылаемым указам и ордерам исполнения чинить, от помянутого Коменданта наставлении, також знаки войсковые получили.

П р и к а з а л и: хотя по определению Правительствующаго Сената и по посланному в ту Коллегию указу к тем Семейным и Гребенским казакам безсменных Атаманов и Старшин определять не велено, а велено содержать их, как понные содержаны были, для того, что от тех казаков о том прошения не было; но как в том доношении показано, что при общем в кругу тех войск собрании оное уже соединено и выбор Атаману и Старшинам по их согласию учинен, кои и в правление свое вступили: того ради о том их соединении и выборе быть по показанному Военной Коллегии представлению, и Военной Коллегии учинить о том по сему Е.И.В. указу.

Т. XII. № 9459. II. 12. 1747.

Правительствующий Сенат, по доношению Военной Коллегии, коим представляла, что до оной Коллегии определено в Пр. Сен. подать доношение, в котором написать, хотя о выдаче обретающемся ныне при всем соединенным Гребенском войске Войсковому Атаману и Старшинам и станичным Атаманам-же и прочим чинам годового денежного жалованья, по учиненному в Военной Колле-

гии росписанию, сношение от оной Коллегии с Штатс-Конторою без утверждения Пр. Сен., учинено и было, токмо оная Контора без точнаго из онаго Сената указа, как той выдачи годовому денежному жалованью, так и о заплата прогонных денег прибывшим в Санктпетербург станичному Атаману с товарищи от Москвы до Санктпетербурга и обратно до Москвы, определения не учинила, того-де ради, по мнению Военной Коллегии, надлежит показанным, обретающимся ныне в соединенном Гребенском войске, как Войсковым Старшинам трем человекам (которым о бытии при том войске непреходимыми от Прав. Сен. представлено Воен. Кол. апробовано и действительно по учиненному выбору при том соединенном войске определены) так и прочие станичным старшинским чином (кроме рядовых казаков) по прошению онаго войска годовое одно денежное жалованье, как на нынешний 1747 год выдать, так и впредь повсягодно производить, по учиненному в Воен. Кол. росписанию, понеже, как и напредь сего Пр - му С - ту от Воен. К - гии представлено, что бывшее семейное, именовавшееся Терскою, с Гребенским войском соединено в одно ведомство и велено именовать одним званием Гребенскими, а семейными не называть, которое представлено и от Пр - го С - та в прошлом 1746 году апробовано ж; чего ради, по рассуждению оной Коллегии, тем Гребенским старшинам с бывшими семейными, именовавшимися Терскими, в денежном жалованье и сражении учинить надлежит, понеже и служба их равная. А понеже показанного Гребенскаго войска на всех войсковых и станичных Старшин, прежде определенной годовой суммы, против окладов их, по тому росписанию, недостает 397 рублей: того ради от Пр. С-та требовала, дабы оная сумма на тех Старшин от Штатс-Конторы ежегодно по вышеписанному Воен. Кол. росписанию ассигнуема была неотменно, также и прибывшим ныне от войска того в зимовой станице Атаману, Есаулу и писарю, прогонные деньги от Москвы до С-Петербурга и обратно от Спб. до Москвы против прошлогодняго на три ямския подводы сколько надлежит, для предписанных от Воен. Кол. в Штатс-Контору резонор, что они прибыли в Спб. со всеми войсковыми отписками, касающимися до войсковых нужд и принадлежащих до решения Воен. К., для наилучшаго их при нынешних обстоятельствах к ровностнейшей службе поощрения, повелено было выдать без удержания, дабы показанные прибывшие от войска того станицы Атаман с товарищи по нынешней при войске в людях надобности, не могли здесь долговременно продолжаться.

Т. XIII. № 9849. 22. 5. 1751.

Прав. Сен., по доношению Воен. Кол., коим объявляет: в прошлом-де 1742 году в Воен. Кол. от Гребенскаго войска в отписке объявлено, что живут они в пограничном и опасном месте и употребляют, сверх всяких войсковых служб, для доставания ведомостей и прочаго, и отправляют почтовую гоньбу до Астрахани и до Дербента и провожают Грузинцев до Кабарды и до Кизлярской крепости и в прочих посылках до Кабарды ж и до Чеченей безпрестанно, а напредь сего за такая посылки давано им на каждую лошадь по рублю, а ныне такой дачи не имеется; а Донские де казаки, которые прежде переведены были с Дона на Аграхань, а с Аграхани на реку Терек, и живут с ними вообще, жалованье получают каждой по 12 рублей на год, а им производится по 10 рублей; а службы означенных казаков пред Гребенским войском весьма меньше, ибо когда случаются почты и посылки или отправление до Астрахани до Дербента курьеров, и препровождение каких проезжающих особ с Персидской стороны и в прочия горския места, в которых употребляют одних Гребенских казаков: понеже у них имеются тамошняго языка знающие, и всегда в службу употребляются больше, а жалованья против Семейных получают меньше; и просили, что их в жалованье сравнять; токмо о той прибавке от

Коллегии представления не было, а приказано доложить при рассмотрении о всех нерегулярных войсках штата. А потом в 1746 году, по указу из Прав. Сен., Семейное, именовавшееся Терское, с Гребенским войском соединено в одно ведомство, и велено именовать одним званием Гребенскими, а Семейными не называть. А в 1747 году Декабря 11 дня по указу из Прав-го Со-та, а по представлению Воен. Коллегии обретающиеся в Соединенном Гребенском войске Войсковые и Станишные Старшины, по учиненному в Воен. Коллегии росписанию, в годовом денежном жалованье сравнены, и с того времени и по ныне, то жалованье от Штатс-Конторы производится равное; ныне всем соединенным Гребенским войском со общего согласия докучно, просят, чтоб в знак Ея И.В. милости для ровностнейшего к службе поощрения, и для ишопредписанных резонов, Гребенского войска рядовым казакам денежное и хлебное жалованье сравнивать против бывших Семейных, именовавшихся Терских казаков, без уменьшения. А по справке в Воен. Коллегии, по указам Правитель. Сената, рядовым казакам годового жалованья производится, прежде именуемым Терским, денежного по 12 рублей, муки по 6 четвертей, круп по 3 четверика, соли по 1 пуду по 8 фунтов, да на лошадей овса по 6 четвертей, Гребенским денежного по 10 рублей, хлебного муки по 6 четвертой, круп по 3 четверика, овса по 3 четверти; и ежели оных Гребенских в том жалованье сравнить с Терскими казаками, то имеет быть прибавки Гребенским на каждого в год денежного по 3 рубля, овса по 3 четверти, да соли по 1 пуду по 8 фунтов.

Т. XVI. № 11824. Мая 30, 1763.

Правительствующий Сенат, по доношению Военной Коллегии, Приказали: на Терское семейное войско подлежащее окладное жалованье отпускать ежегодно на полное казаков число 452 человека, которое оное Терских казаков число, до соединения их с Гребенским войском, состояло, и по определении паки от оного, по определению Военной Коллегии 1755 года Июля 31 дня, в то число дополнить, и впредь оное число содержать велено, комплектуя на упалые места из казачьих детей; и для того как на прошлой 1762 год недоданное тому войску на 46 человек, так и на нынешний 1763 год, что надлежит на полное комплектное число людей на 452 человека окладное денежное жалованье, по требованию Военной Коллегии, отпустить без удержания; и о том в Штатс-Контору и для ведома в Военную Коллегию указы посланы.

----- +++++ -----

БИБЛИОГРАФИЯ.

АНТИСЕМИТИЗМ - ИМЕЕТ ЛИ ОН ХРИСТИАНСКИЕ КОРНИ?

(Ж.Исаак).

Со времени IV в., с Константина и с основанием христианской Империи положение Евреев совершенно изменяется, и оно изменяется катастрофическим образом. Они вскоре-же прогрессивно изгоняются из общества, прогрессивно приводятся в положение париев (с.27).

Церковь также рассматривала, что она имела обязанность предохранять от всякого еврейского влияния (а юдаизм был еще очень влиятельным) на христианскую массу, часто недостаточно еще христианизированную. Отсюда крайняя суровость употребляемых методов; я обозначаю их с полным правом: воспитание презрения к евреям и система унижения.

Воспитание презрения к евреям - это главный предмет... Какие-же к этому главные темы?

Юдаизм выродившийся, склерозный ко времени прихода Христа; народ ма-

териалистический, не признавший Христа и отвергший его; народ отторгнутый, проклятый самим Господом, падший; народ Богоубийца; рассеяние Израиля в 70 г.; синагога сатаны... (стр.28,29,30.).

Если об этом думают, а об этом следует думать, что если такого воспитания держались в течение веков, из поколения в поколение, сотнями и тысячами голосов, часто очень красноречивыми, также часто грубо оскорбительными, то как удивляться тому, что ЭТО кончилось врезанием в сознание христиан, там формировано и обработано до глубины подсознания и что мало по малу, особенно в XIV и XV веках образовалось в христианстве карикатурный образ и легенды о юдаизме и Евреях, образ гнусный, производящий отвращение и ненависть.

Кто осмелился-бы оспаривать тяжесть, злобредность такого воспитания? И тяжкая ответственность тех, кто это исповедовал, кто распространял эти семена ненависти во всем христианстве? (с.32).

... И вот начиная с XI в., от первой Крестового похода, в этот период, который можно назвать эрой Великого Христианства, когда положение Евреев ужасно отяготилось. Исключенные почти из всех профессий, Евреи были слишком часто вынуждены практиковать только одно занятие, которое им было широко открыто, потому что Церковь запрещала его христианам, заем с процентами, то, что в Средние Века нормально называли ростовщичеством: они в этом были только более отмечены, более опозорены, более выставлены всякому желанию чужого добра и ненависти (с.33).

Не менее правдиво, что христианский антисемитизм, даже по своей натуре и своим методам, породил наихудшие чрезмерности: грабеж, массовое выселение, сжигание священных книг, насильственное крещение, отобрание у родителей детей, клеветнические доносы на профанацию, ритуальные преступления (убийство христианских детей), пытки, казни, аутодафе инквизиции, бесчисленные и ужасные избиения, называемые позднее русским словом ПОГРОМ (с.34).

И теперь, в каком положении мы находимся сегодня?

Распространение либеральных и демократических идей постепенно положило конец в христианстве системе презрения к Евреям, хотя даже в некоторых демократических государствах находят еще многие следы презрения, напр., в Соединенных Штатах (с.37).

... Но если система унижения начинает исчезать, однако нельзя того сказать о воспитании презрения к Евреям.

Даже среди тех, которые оплакивали Аушвиц и судьбу невинных еврейских жертв, сколько раз находилось христиан или христианок, чтобы ответить: - "Что вы хотите, это-же народ проклятый!"

Между прочим доказательство было сделано, по крайней мере во Франции. Недавно была произведена анкета двух тысяч католических учебных книг на французском языке. Она обнаружила, что воспитание презрения к Евреям осталось исключительно живучим в огромном большинстве этих школьных книг.

... В одном учебнике говорится: "Еврейская религиозная жизнь во времена Иисуса была снижена в чисто внешний формализм". В другом месте: "Евреи не имели страха, ни любви к Богу". Или еще: "Вообразите состояние духа народа, к которому Иисус обращался (и автор сам обращается к детям): "он искал свое счастье в золоте, в серебре, в низкой материальности, в спорах и мщении". (стр.37,38).

... Если хотят покончить с антисемитизмом христианским - два слова, которые клянутся быть вместе - это воспитание, которое следует предпринять, потому что оно есть база всего, в самом широком смысле этого слова, воспитание на всех ступенях и под всякими формами. Только одно воспитание способно переделать то, что сделало воспитание-же. Воспитание в през-

рени к Евреям слишком долго продолжалось. Оно сделало слишком много зла. Оно уже не имеет права существовать. Дай Бог, чтобы это было предметом торжественного осуждения, и не только чтобы оно было осуждено, но совершенно вычеркнуто, уничтожено, отменено, чтобы оно навсегда исчезло из книг, которые называются христианскими, и из уст, которые называются христианскими.

Без сомнения, я это знаю, я это признаю, что такое воспитание теперь находится очень отсталым, во Франции по крайней мере. (стр. 41, 42).

(Окончание следует).

+
+ +

Перечитывая "Правду о ген. Деникине" В.А.Волынского, надо обратить внимание на один весьма существенный недостаток книги: это неярко подчеркнутое значение Казаков в так называемом "Болое движении", прозвучавшем в тоже так называемую "Добропольскую Армию", состоявшую на 80% из Казаков. Это "Болое движение" по всей правде и справедливости должно-бы носить название "Казачьего движения", как то было при С.Т.Разине, К.А.Булавине, Е.И.Пугачеве.

Не совсем удачно помещены в конце книги отдельные статьи, прямо не связанные с главной темой книги "Правда о ген. Деникине". По прочтении их впечатление о "Правде" как-то вытесняется и несколько тускнеет. Этим прибалдениям место больше в газете или журнале.

Мы имеем основание опасаться и того, что и предпринятое издание книги Н.М.Мельникова "О Ермаке" с добавлением к ней его полемики с Байкаловым, как-бы эта его полемика не отвлечла внимания читателя от основной темы книги. Poleмика, к которой так склонен Н.М.Мельников, как-бы не принесла больше вреда книге о Ермаке, чем пользы, потому что у читателя тут-же под рукой будут и доводы Байкалова о том, что Ермак, напр., не был Донским Казаком, а так как у нас слишком много врагов, стремящихся во чтобы то ни стало унижить Казаков, не признавать их роли и значения в судьбах России, то неизвестно на чью сторону склонится такой читатель.

--- +++ ---

===== + =====
Основатель и редактор "Казачьего Исторического Сборника", Казак Филоновской станицы Хоперского Округа Всевеликого Войска Донского
ИВАН ПЛАТОНОВИЧ БУДАНОВ
скончался 19 января 1961 года.

Вечная ему память в среде Казачьего Народа!

===== + =====
КОНЧИНА БОЛЬШОГО КАЗАКА.

На 82-м году своей плодотворной для Казачества жизни перешел в лучший мир сын Тихого Дона Иван Платонович Буданов. Крест по образованию, на Дону был присяжным поверенным. Будучи депутатом Донского Войскового Круга, он внес свой труд и знание в разработку "Основных Законов Всевеликого Войска Донского", этого непревзойденного по мудрости государственного акта, и был ему верен до гроба. Последние 35 лет покойный отдал жертвенному служению родившему его Казачеству, проводил много времени в библиотеках, списывался со специалистами в разных странах, собирал материалы для исто-

рии Казачества, выпуская отдельными книгами, по мере накопления денежных средств на издание. Он не только справился с возложенной на него Провидением задачей, но разрушил основательно все измышления русских шовинистов с их ложной историографией о том, что Казаки "боглые русские холопы". Он неопровержимо доказал, что Казачество, если не в целом, то в большинстве азиатского (туранского) происхождения.

Словно какая то великолепная, тяжелая, негнушающаяся ткань, словно драгоценная парча разворачивается перед нами поучительная, не скажем что история, а именно, — историческая повесть о Казаках Буданова.

Горький труд раба совершил он с гордым сердцем господина, он взял на себя суровый долг свободного служения судьбе, в коей сочетается свобода и необходимость.

Трудна дорога и тернистый путь отдельной личности. Душа человека — опальная: Адам в опале, изгнанный из Эдема, и ему надо преодолеть все крутые земные ступени. Приходится начинать сначала, изнемогать, падать под ударами врагов, но все таки поднять свой труд и пронести его, как вербную свечу не потушенной, а также пронести через мир и свою трепетную жизнь и тихо без болезней опочить...

В том и состоит своеобразие человека, что он не болеет от страданий, не уклоняется от Креста. Он хочет преумножить своей работой богатство Казачьей Правды и на костер жертвы приносит и самого себя. Таков И.П.Буданов. Чувствуя, что Казачий мир еще не создан в целом, и не достроен Казачий Храм, — каменщик этого храма, "масон" прирожденный, богомольно служит до смерти великой Казачьей Правде. И каждый Казак скажет: Слава Ему!

И если в его повествованиях не все его мысли сразу пронизаны и прозрачны, то, может быть, в этом повинне не сам автор, а самый характер исторического сюжета, и все равно по иному выразиться было бы нельзя и, с другой стороны, так срослись у него слово и мысль, что как будто не его заслуга и там, где их слиянность оказывается кристально-ясной и чистой, точно во власти чего то объективного, самой исторической философии, находится сам И.П.Буданов. Может ли историку выпасть лучшая участь! Можно подметить разве некоторую однообразность стиля. Но это — добровольная скудость монаха, уединенно творящего свой сказ подвижника. Это не отсутствие богатства, а только отказ от него. Характерная для нашего автора пристальная сосредоточенность интересов о Казаках и мышлений о них. Кто принял схиму, — того не тешит разнообразие и красочность аристократического стиля.

Свою почти законченную историческую поэму И.П.Буданов завершил. Вероятно, царство теней, к которому всю жизнь летел он, свершил свой труд, было теперь для него раскрыто. И он оставил нас спокойно, без обычных болей, лететь, как и он, сквозь тусклые дни, отдав свой творческий труд Казачеству, к этой туманной "агрине", и думая так, является чувство родственности к покойному, чувство единой людской участи, и в душу входит что то важное, торжественно, единственно-серьезное, — происходит какое то касание "мирам иным"...

Пусть неведом и невидим для нас таинственный смысл нашей призрачной жизни, сердце все таки верит в него и верит в значительность и реальность каждой человеческой тени здесь и "там"...

Эту могучую веру в значительность родного Казачества покойный и воплотил в свою ценную историческую повесть: "Дон и Москва".

Сейчас я подумал, что земля одинаково примет нас, величественно и простодушно, будем ли мы лежать во Франции или в далекой степи, ибо один, безмерно велик, свят и могуществен Мир Бога живаго. И над нами будут по-прежнему сиять в синеве ласковые звезды!...

Духовными наследниками после кончины И.П.Буданова остались: его род-

ная дочь - Валерия Ивановна и Казаки националисты - сотрудники покойного. Составлена Комиссия: Д.И.Братчиков, А.И.Лебедин, Е.Т.Гетманов и П.Ф.Крюков. Пока в распоряжение этой Комиссии поступило: приготовленный для печати "Каз. Истор. Сборник" № 14 и большое количество книг "Дон и Москва" №№ 4 и 5, а также географические карты XII века, с указанием племен и народов Приазовья и северной его.

№ 1 "Дон и Москва" издан был ст. Т.Медковым, №№ 2 и 3 - Г.И.Фетисовым, с коими Комиссии надлежит установить: что ими продано и что осталось, ибо решено по обоюдному желанию дочери покойного И.П.Буданова - Валерии Ивановны и Казаков - друзей и единомышленников незабвенного труженника на благо родного Казачьего Народа, что на вырученные деньги будет установлен на могиле покойного достойный памятник.

Книги №№ 4 и 5, в четырех выпусках, подлежат продаже по пониженным ценам, а именно: 2,50 доллара; 15 новых франка; 15 немецких марок. Обращаться по адресу: Mr Bratchikoff, 18, rue Wurtz, Paris 13-e, France.

Родные Казаки! Поддержите это доброе начинание, распространите по всему миру книги нашего незабвенного историка, чтобы возсияла Казачья Правда на земле.

Генерал Конопов.

--- +++ ---

ОТ ДРУЗЕЙ ПОКОЙНОГО И.П.БУДАНОВА.

Ряды культурных Казачьих работников понесли новую незаменимую потерю в лице скончавшегося 19-го января Ивана Платоновича Буданова, основателя и редактора "Казачьего Исторического Сборника".

Нужно ли говорить здесь о том, что сделал он на пользу своему горячо любимому Казачьему Народу?...

Его дела сами говорят за себя! И этими полезными делами он создал себе памятник нерукотворный не только в среде Казачьего Народа, но и в среде научных работников Свободного Мира, с которыми он имел тесную связь.

Мы не будем говорить здесь и о том: кем и чем был при жизни незабвенный Иван Платонович, - об этом скажут другие, но мы скажем здесь о том, что знамя Казачьей Культуры, которое он держал в своих руках, не упало и труды покойного И.П.Буданова будут изданы нами - его друзьями и единомышленниками. Им были приготовлены к печати №№ 14 и 5 Сборника. Мы выпустим их в свет без каких-бы то ни было изменений, исключая только переменны адреса издательства.

Впредь уплата за приобретенные экземпляры "Казачьего Исторического Сборника" должна быть выслана по адресу: Mr E. Guetmandif, 1, rue Vulpian Paris 13-e, France. (С.С.Р. № 2022-96).

Вся корреспонденция, касающаяся Сборника, должна быть выслана по адресу: Mr P. Krukoff à Mélagues par Brusque (Aveyron) France.

От самих Казаков будет зависеть посмертное издание трудов Казачьего историка и патриота И.П.Буданова.

Вопрос о дальнейшем существовании Сборника подлежит обсуждению Казачьих научных и культурных работников, над которым мы и предлагаем им подумать и сообщить свое решение заблаговременно - к выпуску № 15 Сборника.

Вечная память Ивану Платоновичу Буданову! Живые научные и культурные работники перед этой незаменимой потерей* должны действовать по военной команде: "Сомкнись!"

Члены Комиссии: Д.И.Братчиков, А.И.Лебедин, Е.Т.Гетманов, П.Крюков.

Оставшиеся книги И. П. Буданова "Дон и Москва" можно приобрести у Д. И. Братчикова по адресу: Mr D. Bratchikoff, 18, rue Wurtz, Paris 13-e France.

--- +++ ---

Продолжается подписка на ежемесячный журнал "КАЗАЧЬЕ ЕДИНСТВО".

Подписная плата на год: во Франции - 24 новых франка; в Америке и других странах - 6 долларов.

В розничной продаже: во Франции - 2,50 новых франка; в Америке и других странах - 75 центов.

Журнал выходит ежемесячно к 10-му числу.

Материалы присылать четко написанные на одной стороне листа, предпочтительно на машинке.

Статьи, подписанные авторами или псевдонимами, известными Редакции, ложатся на ответственность авторов за их правдивость, как перед законом, так и перед общественным мнением. Adresse: Mr E. Guetmanoff, 1, rue Vulpian, Paris 13-e, France.

--- +++ ---

Настоящий № 14 Сборника издан "Казачьим Единством".
Отпечатан Казачьим Культурным Кооперативом.

--- +++ ---

Цена Сборника: во Франции - 2,50 НФр., в других странах - 1 ам. дол.

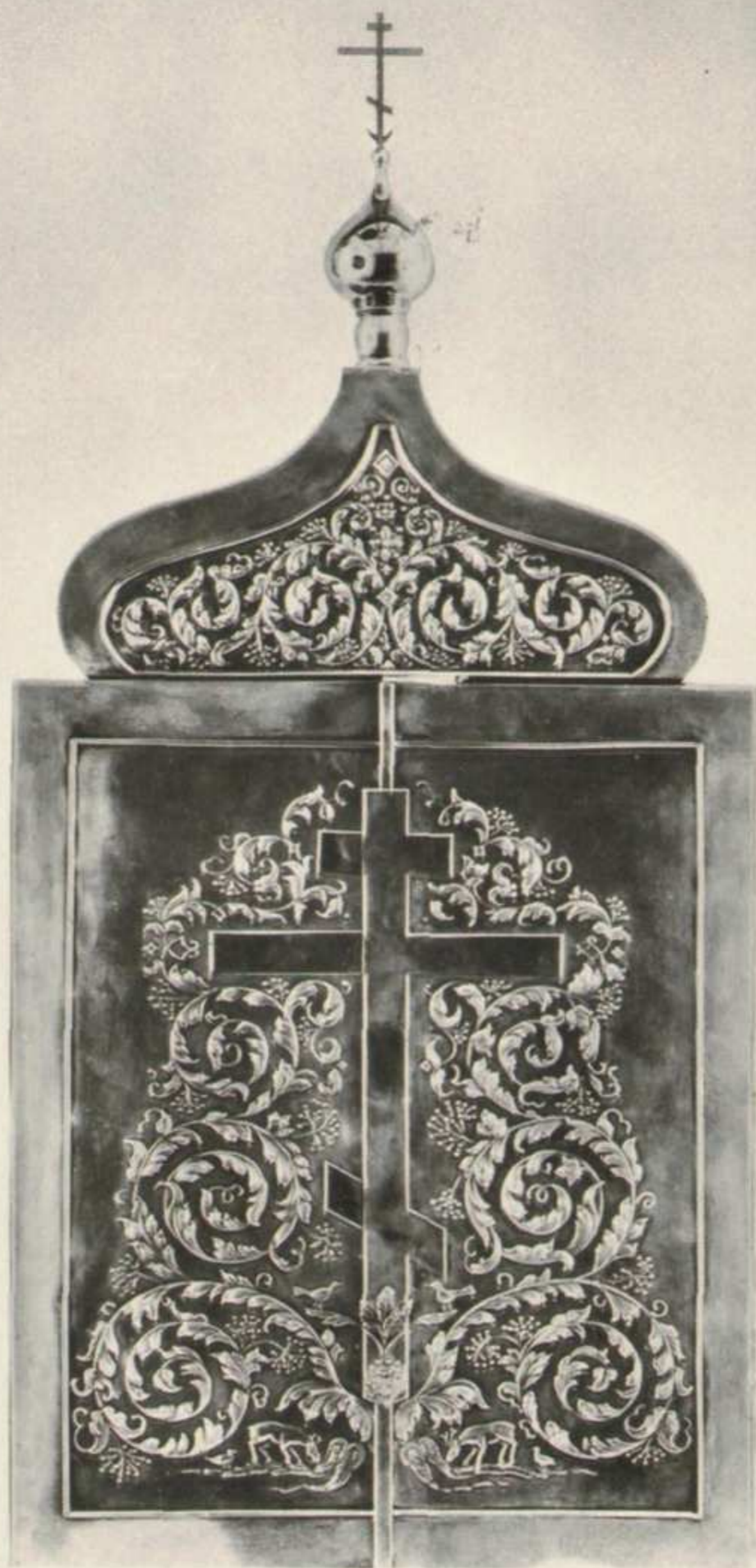

Войсковой Образъ (складень) Войска Донского
возстановленъ жертвеннымъ усердіемъ Донскихъ
казаковъ для молитвеннаго общенія и какъ благо-
словеніе молодымъ и грядущимъ казачьимъ поко-
лѣніямъ на трудъ, на подвигъ во имя братской
любви другъ къ другу, любви къ Родинѣ, роди-
мому Тихому Дону.

Подъ Иконой Богоматери помѣщенъ ковчежекъ съ
горстью Донской земли, подъ Иконой Св. Іоанна
Крестителя — сосудикъ съ Іорданской водой, подъ
Иконой Св. Николая — сосудикъ съ миромъ отъ
гроба Святителя.

Освященъ въ Кафедральномъ соборѣ г. Парижа
1 (14) октября 1951 г. Митрополитомъ Владимі-
ромъ въ присутствіи казаковъ и ихъ семействъ,
какъ живущихъ во Франціи, такъ и прибывшихъ
изъ другихъ государствъ Европы на торжество
освященія.

Войсковой Сѣбразъ Войска Донского
(Въ закрытомъ видѣ)

Икона Донской Божіей Матери, Св. Іоанна Предтечи и Святителя Николая Чудотворца
Бойковой Сѣбразъ Войска Донского